

На правах рукописи

Ващева Ирина Юрьевна

**ФЕНОМЕН «ЦЕРКОВНЫХ ИСТОРИЙ»
В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

*Специальность 07.00.03 – Всеобщая история
(история древнего мира)*

Белгород – 2013

Работа выполнена на кафедре истории древнего мира и средних веков
ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Официальные оппоненты

доктор исторических наук, профессор
г.н.с. Института всеобщей истории РАН
Бибиков Михаил Вадимович

доктор исторических наук, доцент
профессор кафедры всеобщей истории и
международных отношений ФГБОУ ВПО
«Ивановский государственный университет»
Тюленев Владимир Михайлович

доктор исторических наук, доцент
профессор кафедры всеобщей истории и
международных отношений ФГБОУ ВПО
«Алтайский государственный университет»
(г. Барнаул)
Серов Вадим Валентинович

Ведущая организация

Санкт-Петербургский государственный университет

Защита диссертации состоится 17 октября 2013 г. в 16 ч. 00 м. на заседании диссертационного совета Д 212.015.11 по защите докторских и кандидатских диссертаций в ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» по адресу: 308007, г. Белгород, ул. Студенческая, 14, корпус 2, зал заседаний диссертационного совета (ауд. 260).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» по адресу: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

Текст автореферата размещен на официальном сайте ВАК РФ <http://vak2.ed.gov.ru/> и на официальном сайте ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» <http://www.bsu.edu.ru>.

Автореферат разослан «__» _____ 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

И.Т. Шатохин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Одним из наиболее актуальных, востребованных и перспективных направлений в современной исторической науке является изучение истории идей и, в особенности, истории исторической мысли, проблем формирования, сохранения и трансляции исторической памяти¹.

Для современного российского общества особенно актуальной является проблематика транзитивности и особенно изучение процессов кардинальной ломки ментальных структур, примеры переоценки прошлого опыта, событий современности и перспектив будущего развития обществами в переломные эпохи, проблемы трансформации исторического сознания и форм историописания.

В отечественной историографии вопросы ментальности, исторического сознания той или иной эпохи, смены интеллектуальных парадигм долгое время оставались вне исследовательского поля историков. Последние же десятилетия ознаменовались всплеском интереса к новой проблематике, разработкой новых подходов и отмечены появлением целой серии исторических исследований и переизданием классических работ, так или иначе затрагивающих исторические представления позднеантичного периода².

Одним из ключевых периодов в истории исторической мысли и важным этапом в формировании европейского исторического сознания является период IV–VII вв. По выражению Х. Блока, «в современной нам исторической ситуации легче понять те эпохи, когда рушились вековые традиции, а общество переживало один кризис за другим»³. Именно таким формативным и значимым периодом и является данный период мировой истории. Он является не просто неким переходом от античности к средневековью, но соединяет в себе черты и того, и другого и, в то же

¹ См., например: *Halbwachs M.* Les cadres sociaux de la memoire. P., 1925; *Idem.* The Collective Memory. N.Y., 1950; *Nora P.* Memoire collective // La Nouvelle Histoire / Ed. J. Le Goff. P.; Retz, 1978. P. 398–401; *Idem.* Les Lieux de memoire. Vol. 1–3. P., 1984–1992; *Le Goff J.* History and Memory. N.Y., 1992; *Mendels D.* Memory in Jewish, Pagan and Christian Societies of the Graeco-Roman World. L.; N.Y., 2004; *Репина Л.П.* Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей–1996. М., 1996. С. 25–38; *Хальбвакс М.* Социальные классы и морфология. М.; СПб., 2000; *Эксле О.Г.* Культурная память под воздействием историзма // Одиссей-2001. М., 2001. С. 176–198; *Хаттон П.* История как искусство памяти. СПб., 2003; *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Знание о прошлом: теория и история В 2-х тт. Т. 1. Конструирование прошлого. СПб., 2003; *Репина Л.П.* Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003; *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2003; Лоуэнталь Д.* Прошлое – чужая страна / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб., 2004; *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004; *Рикер П.* Память, история, забвение / Пер. с фр. М., 2004; *Савельева И.М., Полетаев А.В.* «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого / Отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М., 2005. С. 170–220; *История и память: историческая культура Европы до начала нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2006; Время, история, память: историческое сознание в пространстве культуры / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2007; Репина Л.П.* Интеллектуальные традиции античности и средневековья. М., 2010.

² *Уколова В.И.* Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V – середина VII века). М., 1989; *Бибииков М.В.* Историческая литература Византии. СПб., 1998; *Кривушин И.В.* Ранневизантийская церковная историография. СПб., 1998; *Он же.* Историческая мысль в Византии и на средневековом Западе. Иваново, 1998; *Любарский Я.Н.* Византийские писатели и историки. СПб., 1999; *Лебедев А.П.* Церковная историография в главных ее представителях с IV до XX в. СПб., 1903 (СПб.: Алетейя, 2000); *Тюленев В.М.* Лактанций: христианский историк на перекрестке эпох. СПб., 2000; *Гене Б.* История и историческая культура средневекового Запады. М., 2001; *Каждан А.П.* История византийской литературы (650–850 гг.). СПб., 2002; *Шкаренков П.П.* Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха. М., 2004; *Тюленев В.М.* Рождение латинской христианской историографии. СПб., 2005.

³ *Bloch H.* The Pagan Revival in the West at the End of the Fourth Century // The Conflict between Paganism and Christianity in the Fourth Century / Ed. by A. Momigliano. Oxford, 1963. P. 193.

время не совпадает полностью с идеалами и установками ни языческой античности, ни христианского средневековья. Период IV–VII вв. оказывается исходным пунктом формирования как византийского культурно-исторического пространства, так и складывания западноевропейской средневековой цивилизации. В эту эпоху происходит не только формирование новых политических структур, социальных групп, форм экономической жизни и социальной организации общества, но и смена мировоззренческих установок, складывание христианской картины мира.

Уникальность и значимость данной эпохи определяется не только становлением христианства как религиозной системы, но и глобальным переворотом в историческом сознании и, соответственно, в истории исторической мысли, сменой интеллектуальной парадигмы, определявшей самосознание современников, их восприятие прошлого и настоящего, их картину мира и осознание ими собственного места в рамках христианской ойкумены и в потоке мировой истории. Формируется во многом новая система исторического знания, нашедшая свое отражение в исторической литературе той эпохи, в появлении новых способов интерпретации прошлого, складывании новых литературных форм, в которые облекается историческая мысль и культурная память.

Одним из таких знаковых явлений в истории культуры и своеобразным проявлением существенной трансформации исторического сознания является возникновение и функционирование как особого исторического феномена комплекса «Церковных историй», специфического типа исторических сочинений, пользовавшихся большой популярностью у современников, но исчезнувших вместе с завершением эпохи. Они соответствовали потребностям своего времени, выполняли определенные задачи и имели свои социокультурные функции.

Однако ни сам комплекс «Церковных историй» IV–VII вв. как исторический феномен, ни причины его появления в IV в., ни время и причины его исчезновения, ни его сущность и функции, ни его роль в формировании нового типа исторического сознания до сих пор в исторической науке не становились предметом специального изучения. Поэтому анализ всего комплекса «Церковных историй» поздней античности как самостоятельного исторического феномена оказывается весьма актуальным и значимым.

Степень изученности проблемы. Несмотря на то, что исследовательский интерес к отдельным ранневизантийским и западным христианским историкам поздней античности начал проявляться еще в XVI в., проблема становления христианской историографии до сих пор остается малоизученной. Научное исследование данных текстов началось с XIX в., когда ученые стали обращаться к ним как к источникам фактической информации. Такой фактографический подход преобладал вплоть до недавнего времени. Только сравнительно недавно в западной исторической науке и в последние несколько лет в отечественной историографии стали появляться исследования, посвященные проблемам интеллектуальной истории этой переходной эпохи. Во многом современная разработка данной проблематики активизировалась и получила новый импульс в связи с утверждением в науке концепции поздней античности.

Что касается формирования нового типа исторического сознания на рубеже античности и средневековья и роли в этом процессе «Церковных историй» IV–VII вв., то в этом ключе проблема никогда ранее еще не рассматривалась ни в историческом, ни в филологическом, ни в социокультурном ключе.

Наибольший интерес исследователей, как правило, вызывают пять авторов, традиционно рассматриваемых в рамках ранневизантийской (т.е. греческой) церковной ортодоксальной историографии: Евсевий Кесарийский как родоначальник «Церковной истории», непосредственные его продолжатели (Сократ Схоластик, Созомен, Феодорит Кирский), а также автор VI в. Евагрий Схоластик. Основная масса работ посвящена именно этим авторам⁴.

Кроме того, исследователи так и не определили, почему данный феномен, несмотря на всю свою популярность в христианском мире, не перешагнул рамки поздней античности и исчез вместе с завершением самого периода. В исторической литературе до сих пор нет ответа на вопрос, с чем связано возникновение данного явления в культурной жизни ранневизантийской империи и с чем связано его столь же стремительное исчезновение.

Более того, в отечественной и зарубежной историографии принято выделять отдельно ранневизантийскую (греческую) церковную историографию и западную (латинскую) христианскую историографию. Однако, как оказывается при ближайшем рассмотрении, такой тип исторических сочинений был весьма популярен и на Востоке, и на Западе бывшей Римской империи. Такие «Истории» создаются на огромном пространстве христианской ойкумены от Сирии и Армении до Пиренейского п-ова, не только на греческом и латинском, но и на сирийском, армянском и других языках.

Они не только носят однотипные названия («Церковная история», «Христианская история», «Священная история» и т.д.), но и обладают целым комплексом сходных черт, что позволяет объединить их в единую группу. Они создавались и функционировали не в изолированном и замкнутом пространстве греческой (или сирийской, или латинской) культуры, но обнаруживают довольно сложные внутренние связи. Руфин Аквилейский, например, переводит с греческого на латинский язык «Церковную историю» Евсевия. «История» Руфина, в свою очередь, оказалась тесно связанной с сочинением Геласия. «Историю» Руфина с разной степенью критичности будут использовать Сократ Схоластик, Созомен, Феодорит Кирский, т.е. те авторы, которые традиционно считаются «греческими продолжателями Евсевия» и изучаются в рамках греческой церковной историографии. В VI в. Кассиодор, отбирая наиболее ценные и полезные книги, остановится на «Церковной истории» Евсевия Кесарийского в переводе Руфина, сочинениях Иосифа Флавия, «Истории» Павла Орозия, а также включит в свою «хрестоматию» так называемую *Historia Tripartita*, составленную им самим на основе переработки сочинений уже названных Сократа Схоластика, Созомена и Феодорита Кирского⁵. В связи с этим, вероятно, имеет смысл говорить не о феномене латинской христианской историографии⁶ или ранневизантийской церковной историографии⁷, как это принято сейчас, а

⁴ См., например: *Chesnut G.F.* The Byzantine church historians from Eusebius to Evagrius: A Historiographical study. Oxford, 1972; *Idem.* The First Christian Histories: Eusebius, Socrates, Sozomen, Theodoret and Evagrius. P., 1977; *Allen P.* Evagrius Scholasticus, the Church Historian. Louvain: Spicilegium Sacrum Lovaniense, 1981; *Urbaniczuk Th.* Socrates of Constantinople. Historian of Church and state. Ann Arbor, 1997. *Eadem* Theodoret, Bishop of Syrrhus. Ann Arbor, 2002; *Кривушин И.В.* Рождение церковной историографии: Евсевий Кесарийский. Иваново, 1995; *Он же.* Ранневизантийская церковная историография. СПб., 1998.

⁵ Вероятно, следует учитывать тот факт, что к VI в. был накоплен огромный массив исторических сочинений христианских авторов, в том числе и латинских. Однако из всех работ собственно латинских, западных авторов Кассиодор взял только сочинение Павла Орозия. Сочинения других авторов (Лактанция, Сульпиция Севера, Идация, Проспера Аквитанского и др.) он игнорирует.

⁶ *Тюленев В.М.* Возникновение и развитие латинской христианской историографии в IV – начале V века: автореф. дисс. ... д.и.н. СПб., 2004; *Он же.* Рождение латинской христианской историографии. СПб., 2005.

о едином комплексе исторических сочинений и исторических представлений, которые складываются и оформляются в IV – I-й пол. VII в. на всем пространстве христианской ойкумены. По всей вероятности, в действительности все эти сочинения представляли собой единый, когерентный комплекс.

Сложившаяся традиция обособленного изучения сирийской или армянской исторической мысли в отрыве от греческой приводит к выводу об уникальности и своеобразии исторических сочинений данных народов. Связи между этими «национальными» направлениями оказываются недооцененными в современной науке. Концептуальное наполнение и историографическая форма, в которую облекается новая христианская история, время возникновения и функционирования этого типа исторических сочинений в большинстве случаев оказываются идентичными и обнаруживают скорее сходство, нежели «национальную» самобытность.

Кроме того, в отечественной историографии советского периода к «Церковным историям» и их авторам сложилось негативное отношение. Сформировалось устойчивое мнение, что церковные истории создавались для целенаправленного идеологического воздействия на читателя и потому тенденциозны. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что далеко не все авторы этих «Историй» были церковными деятелями и исповедовали христианство в ортодоксальном варианте. Обилие церковно-исторических сочинений, написанных еретиками и имевших довольно широкое хождение, заставляет усомниться в том, что церковные историки выражали официальное мнение церкви или выполняли своего рода религиозный «заказ». Кроме того, значительная часть авторов «Церковных историй» вообще не являлась деятелями церкви и не входила в ее структуру. Очень многие из них получили светское образование и имели светский род деятельности, как Сократ Схоластик, Евагрий или Кассиодор. Поэтому мнение о целенаправленном идеологическом воздействии официальной церкви на население через «Церковные истории» оказывается недостаточно убедительным.

Довольно важную проблему составляет понимание самого термина «Церковная история» современным исследователем и авторами той эпохи. Большую часть информации по истории церкви современный исследователь может найти в апологетических, догматических полемических сочинениях, но не в «Церковных историях», в то время как «Истории», называемые «церковными», содержат огромный массив светской информации. Очевидно, что такая неоднородность текста связана не столько с вырождением жанра или с недостаточным мастерством конкретного автора, сколько со спецификой данного типа исторических произведений в целом. Название «Церковная история» для христианских авторов и их читательской аудитории означало нечто иное; в само понятие «Экклезиастика» вкладывался другой смысл, отличный от современного.

Типологические особенности «Церковных историй» можно оценить только в синхронном и диахронном сравнении с историческими сочинениями языческих и светских авторов того же периода. Выявление специфики рассматриваемых произведений невозможно вне литературного контекста эпохи, без сопоставления с другими историческими сочинениями, создаваемыми в ту же эпоху, и без учета античных традиций, столь важных для раннесредневековой культуры Западной Европы и Византийской империи. Сложившиеся в эпоху античности жанровые формы и концептуальные подходы к осмыслению и интерпретации прошлого явились тем отправным пунктом, отталкиваясь от которого христианские писатели IV–VII вв. со-

⁷ Кривушин И.В. Ранневизантийская церковная историография. СПб., 1998.

здавали собственные произведения. В то же время «Церковные истории» поздней античности демонстрируют и определенные новшества, вполне осознаваемые и постулируемые самим авторами данных сочинений.

В целом, несмотря на давний интерес исследователей к сочинениям церковных историков и обилие работ, рассматривающих их в тех или иных аспектах, комплекс «Церковных историй» IV–VII вв. как особое культурно-историческое явление и его роль в формировании нового типа исторического сознания на сегодняшний день оказываются не только неизученными, но и неосмысленными ни в общеисторическом, ни в историко-культурном, ни в литературном контексте.

Объектом настоящего исследования является феномен «Церковных историй» эпохи поздней античности, генетически и хронологически связанный с самой эпохой.

Предмет исследования составляют характерные черты, концептуальные, жанровые и др. особенности комплекса церковно-исторических сочинений поздней античности, а также отражение в «Церковных историях» процесса трансформации исторического сознания на рубеже античности и средневековья.

Источниковую базу исследования составляет широкий круг исторических сочинений рубежа античности и средневековья. Прежде всего, это христианские «Церковные истории», созданные в рамках Средиземноморской ойкумены IV–VII вв. и включающие в себя образцы западной (латинской) и ранневизантийской (греческой, сирийской, армянской) традиции.

Подробная характеристика источников в силу их многообразия и значительного количества, а также в силу специфики самой работы, выделена в отдельную главу. Характеристика всего круга имеющихся источников, во-первых, позволит сформировать общее представление о феномене «Церковных историй», во-вторых, обозначить границы (хронологические, географические, конфессиональные и др.) этого явления и, наконец, выявить определенную динамику в развитии жанра.

По степени важности для исследования все источники можно разделить на три группы. Первую и основную группу составляют «Церковные истории» IV–VII вв., сохранившиеся целиком или с незначительными потерями. Именно эти сочинения чаще всего привлекаются в работе и дают возможность говорить об особенностях мировоззрения их авторов и концептуальных особенностях самих произведений.

Вторую группу составляют «Церковные истории», сохранившиеся во фрагментах или эксцерптах позднейших авторов. Привлечение их (вместе с информацией источников о несохранившихся «Церковных историях» и их авторах) необходимо для оценки масштабов распространения данного явления, выявления его хронологических, территориальных, конфессиональных рамок.

Наконец, для анализа историографических особенностей исследуемого типа исторических сочинений, определения границ жанра и его особенностей необходимо привлечение более широкого круга исторических и агиографических сочинений того времени, а именно светских «Историй», образцов античной исторической мысли, христианских «Хроник» и проч.

В **хронологическом отношении** данная работа охватывает период IV–VII вв. Наверное, никакой другой период не вызывал столько дискуссий и споров в научном мире, как эта эпоха. В научной литературе данный период определяется по-разному. В зависимости от своей профессиональной специализации одни ученые называют его «периодом поздней Римской империи», другие – «ранним сред-

невековьем», третьи – «ранневизантийским» или «протовизантийским» периодом. Наконец, в последние десятилетия в зарубежной историографии возобладала тенденция рассматривать данный период как самостоятельную эпоху – «эпохой поздней античности»⁸, с чем мы в принципе соглашаемся⁹.

Кроме того, IV–VII вв. – это своеобразный период и в развитии византийской (или шире – позднеантичной) литературы в целом. Как начало IV в. является неким отправным моментом в формировании христианской литературы, некоей точкой отсчета в складывании новой культуры в рамках Римской империи, неким поворотным моментом, после которого начинают формироваться уже иные стереотипы и модели поведения, иная интеллектуальная среда и парадигма мышления, так же и VII в. является неким рубежом, отделяющим «последующие столетия от предшествующего периода, связанного с позднеантичным, индивидуалистическим, конфессионально индифферентным мироощущением»¹⁰.

Хронологические рамки настоящего исследования обусловлены также и временем бытования самого феномена и складыванием комплекса церковно-исторических сочинений. Если родоначальником жанра «Церковных историй» по праву считается Кесарийский епископ Евсевий, то завершение линии церковного историописания определяется исследователями по-разному. Одни считают последним церковным историком Феодора Анагноста, другие – Евагрия. В Сирии и Армении «Церковные истории» появляются до 2-й пол. VII в. С завершением периода жанр «Церковной истории» прекращает свое существование и исчезает с исторической арены и на Востоке, и на Западе.

⁸ Термин введен английским ученым П. Брауном. О концепции поздней античности подробнее см: *Ляпустина Е.В.* Поздняя античность – общество в изменении // *Переходные эпохи в социальном измерении. История и современность.* М., 2002. С. 31–46; *Селунская Н.А.* Осень Средневековья и Поздняя античность: как антиковеды с медиевистами историю делили // *Диалог со временем.* Вып. 13. 2004. С. 232–246; *она же.* «Late Antiquity»: историческая концепция, историографическая традиция и семинар «Empires Unlimited» // *Вестник древней истории.* 2005. № 1. С. 249–253; *Болгов Н.Н.* Поздняя античность. Белгород, 2009. Об активном развитии данного направления в современной науке и, прежде всего, в англо-американской историографии свидетельствует значительное количество публикаций: *Brown P.* The world of Late Antiquity. From Marcus Aurelius to Muhammad. L., 1971; *Idem.* Religion and Society in the age of Saint Augustine. London, 1972; *Idem.* The rise and function of the Holy man in late Antiquity // *Journal of Roman Studies.* 1971. Vol. 61. P. 80–101; *Idem.* Eastern and Western Christendom in Late Antiquity: a Parting of the Ways // *The Orthodox Churches and the West* / Ed. D. Baker. Oxford, 1976; *Idem.* The Making of Late Antiquity. Cambridge (Mass.). L., 1978; *Idem.* Society and the Holy in Late Antiquity. Berkeley–Los Angeles, 1982; *Bowersock G., Warren G.W.* Hellenism in late Antiquity. Ann Arbor, 1990; *Brown P.* Power and Persuasion in Late Antiquity: Towards a Christian Empire. Madison (Wisconsin), 1992; *Cameron Av.* The Mediterranean World of Late Antiquity A.D. 395–600. L.–N.Y., 1993; *Changing Cultures in Early Byzantium* / Ed. Av. Cameron, P. Garnsey. Ashgate, 1996; *The transformation of the Roman world. AD 400–900.* L., 1997; *Late Antiquity. A Guide to the Postclassical World* / Ed. G.W. Bowersock, P. Brown, O. Grabar. Cambridge Mass., 1999; *Late Antiquity: Empire and Successors, A.D. 425–600* / Ed. A. Cameron, B. Ward-Perkins, M. Whitby. Cambridge, 2000; *Religions of Late Antiquity in Practice* / Ed. R. Valantasis. Princeton, 2000; *Ethnicity and Culture in Late Antiquity* / Ed. Mitchell, J. Greatrex. London, 2000; *Interpreting Late Antiquity: Essays on the Postclassical World* / Ed. G.W. Bowersock, P. Brown, O. Grabar. Cambridge (Mass.), 2001; *Garnsey P., Humfress C.* The Evolution of the Late Antique World. Cambridge, 2001; *Liebeschuetz W.* Late Antiquity and the concept of decline // *Nottingham Medieval Studies.* 2001. Vol. 45. P. 1–11.

⁹ Наша позиция изложена в статье: *Ващева И.Ю.* Концепция поздней античности в современной исторической науке // *Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского.* Серия История. 2009. № 6(1). С. 220–231.

¹⁰ *Чичуров И.С.* Литература VIII–X вв. // *Культура Византии. Вторая половина VII–XII века.* М., 1989. С. 151. О смене культурно-исторической парадигмы см. также: *Аверинцев С.С.* Латинская литература IV–VII вв. Смена парадигм и устойчивость традиций // *Памятники средневековой латинской литературы IV–VII веков* / Ред. С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров. М., 1998. С. 3–18.

Территориальные рамки работы охватывают Средиземноморский позднеантичный мир IV-VII вв., включая его ранневизантийскую периферию (Сирия, Армения).

Целью настоящего исследования являлись комплексный анализ и осмысление всего круга «Церковных историй» IV-VII вв., выявление их жанровых и концептуальных особенностей, назначения и принципов функционирования данного типа исторических сочинений в культурно-историческом пространстве эпохи и оценка их роли в формировании нового типа исторического сознания, присущего эпохе поздней античности.

Задачи исследования подчинены идее воссоздания научно обоснованной картины генезиса и развития феномена «Церковных историй». Реализация поставленной цели предполагает решение ряда исследовательских задач:

- определить сам круг источников, не только имеющих название «Церковная история», но по своему содержанию и характеристикам близких к подобного рода сочинениям;
- установить хронологические, территориальные, конфессиональные, историографические границы данного феномена, для чего необходимо выйти за рамки собственно греческой исторической мысли и рассмотреть существование подобного феномена в латинской, сирийской, коптской, армянской историографии, а также выяснить конфессиональную принадлежность и религиозные симпатии авторов «Церковных историй»;
- определить ключевые тенденции и динамику развития комплекса церковно-исторических сочинений;
- выявить комплекс причин и факторов, обусловивших возникновение жанра «Церковных историй» на рубеже III-IV вв., а затем его исчезновение в VII в.;
- определить основные концептуальные особенности церковно-исторических сочинений IV-VII вв., провести анализ моделей и способов интерпретации прошлого, представленных в «Церковных историях» указанного периода;
- выявить и проанализировать историографические особенности данного типа сочинений, принципы отбора авторами необходимой им информации, способы организации материала, особенности структуры и общих теоретических установок церковных историков; охарактеризовать новые формы историописания и их специфику;
- оценить функции христианских историй поздней античности и их роль в формировании нового типа исторического сознания.

Научная новизна настоящего исследования заключается в том, что в данной работе:

- впервые предпринимается попытка исследования «Церковных историй» IV-VII вв. как единого источникового комплекса и как целостного исторического феномена;
- в данную группу впервые включаются произведения не только греческого и латинского происхождения, но церковно-исторические сочинения, созданные на периферии позднеантичного мира: в Сирии, Армении, а также Эфиопии;
- для анализа исторического сознания эпохи привлекаются не только сочинения, выражающие официальную линию христианской церкви, но также «Истории» неортодоксальных (еретических) и светских авторов;

- впервые определяются хронологические и территориальные рамки существования данного явления, причины его возникновения и исчезновения, а также историческое место данного феномена;

- впервые ставится задача и предлагается попытка ее решения относительно постижения смысла самого феномена и его функционирования в культурно-историческом контексте позднеантичной эпохи;

- предпринимается попытка пересмотреть типологические особенности «Церковных историй» и определить критерии жанровой принадлежности, проследив связи и различия церковно-исторических сочинений с агиографией, хрониками, светскими историями, полемической и ересиологической литературой своего времени;

- впервые в комплексе анализируются основные концептуальные положения, заложенные в церковно-исторических сочинениях эпохи, определяется набор значимых идей, востребованных в указанный период;

- впервые ставится вопрос об историографических особенностях «Церковных историй» поздней античности и предлагается один из вариантов его разрешения;

- предпринимается попытка выявить глобальные концептуальные сдвиги в восприятии истории, явственно проступающие в исторических сочинениях IV–VII вв., и показать их роль в формировании нового типа исторического сознания.

Теоретико-методологическую основу исследования составляет, в первую очередь, сочетание общенаучных методов и принципов исследования и, прежде всего, принципов научной объективности и историзма. Принцип научной объективности стал основой комплексного источниковедческого и историографического анализа привлекаемых исторических источников. Принцип историзма дал возможность рассматривать объект и предмет исследования в диахронии во взаимосвязи с объективными историческими процессами, проходившими в указанный хронологический период в рамках христианской ойкумены. Исследование базируется на общенаучной методологии, основанной на применении анализа и синтеза, индуктивной и дедуктивной логики.

Из общетеоретических подходов, особенно актуальных и востребованных сегодня, на разработку данной проблематики повлияли в значительной степени концепция поздней античности и проблематика исторической памяти, дискуссии о формировании идентичностей, вопросы кросс-культурных коммуникаций. Названные подходы пока еще довольно редко применяются в мировой науке при изучении памятников античной и раннесредневековой исторической мысли, что также придает новизну и актуальность предлагаемому исследованию.

Для данной работы характерно также использование традиционных для антиковедения и медиевистики **методов** историко-филологического анализа (лексико-терминологического, герменевтического), нацеленных на адекватное понимание и истолкование текста, и методов собственно научно-исторического анализа (историко-критический, историко-типологический, историко-генетический), направленных на максимально точную реконструкцию исторических фактов, процессов и явлений.

Вместе с тем, указанные методы конкретно-исторического исследования сочетаются с наиболее современными подходами и исследовательскими парадигмами, применяемыми в ряде фундаментальных социально-гуманитарных дисциплин. В их числе методологические подходы, развиваемые в рамках такого направления,

как «новая культурно-интеллектуальная история», которая концентрирует внимание на конкретных, специфических для данного социума и эпохи способах производства и трансляции знаний, идей и интеллектуальных форм, на их проявлении в коллективном сознании социальных групп и отдельных индивидов¹¹.

Большое значение имеет также метод семиотического анализа¹², который важен для адекватного понимания языка и терминологии историка, жившего на рубеже двух эпох, системы нарративных средств и идеологических кодов, которые он использовал в своем сочинении.

Кроме того, для исследования исторической мысли переходной эпохи необходимо обратиться и к методам современного историографического анализа, при котором акцент переносится на изучение форм исторического (со)знания и их трансформации в социокультурном контексте. Соответственно применялись общие приемы историографического анализа: выяснение проблематики исторических трудов, анализ источниковой базы и методов работы историков, определялись принципы положенного в основу работ исторического познания, а также принципы и формы организации историком полученного материала. В основу названных приемов легли такие общегуманитарные методы, как герменевтика и феноменология, что позволило не только выявить мировоззренческие взгляды авторов, о которых они не заявляют прямо в своих сочинениях, или обнаружить скрытые, неявные смыслы авторского текста, но и рассматривать комплекс «Церковных историй» как единый феномен в контексте культурно-исторической ситуации переходной эпохи.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Феномен «Церковных историй» эпохи поздней античности предстает важным явлением, значимым для становления христианской исторической мысли и формирования новой традиции исторического писательства.

2. «Церковные истории», по всей видимости, не представляют собой замкнутого и довольно узкого жанра ранневизантийской исторической прозы, но составляют довольно широкое направление историографии в целом. По всей вероятности, это была попытка написания «новой» истории, такой, какой не писали ранее, истории с позиций христианского мировоззрения. Для христианских писателей это была просто история, настоящая, правильная, с их точки зрения история. Во всяком случае, ни название, ни предмет исследования, ни провиденциальная концепция сама по себе не являются тем очевидным и безусловным критерием, который позволяет отделить «Церковные истории» от других исторических сочинений эпохи и выделить их в отдельный жанр.

¹¹ *Зверева Г.И.* Понятие «новизны» в новой интеллектуальной истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 4. 2001. С. 45–54; *Она же.* Понятие «исторический опыт» в «новой философии истории» // Теоретические проблемы исторических исследований. Вып. 2. М., 1999. С. 104–117; *Репина Л.П.* Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003; *Она же.* Междисциплинарность и история // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 11. 2004. С. 5–17; *Она же.* Память о прошлом и история // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2008. С. 7–18; *Ястребицкая А.Л.* О культур-диалогической природе историографического: Взгляд из 90-х // XX век: Методологические проблемы исторического познания / Ред. А.Л. Ястребицкая. М., 2001. Ч. 1. С. 8–53; *Рюзен Й.* Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 7. 2001. С. 8–26.

¹² *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996; *Успенский Б.А.* История и семиотика (Восприятие времени как семиотическая проблема) // *Успенский Б.А.* Избр. труды: в 2 т. М., 1996. Т. 1. С. 9–70; *Топоров В.Н.* Мировое древо. Универсальные знаковые комплексы. Т. 1. М., 2010; *Он же.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 227–284.

3. Рассматриваемые сочинения обладают целым рядом сходных черт и особенностей, созданы в сравнительно небольшой отрезок времени, носят однотипные названия («Церковная история», «Христианская история», «Священная история» и т.д.), имеют довольно сложные внутренние связи друг с другом, что позволяет объединить их в общую группу и рассматривать как целостный, достаточно компактный историографический комплекс. Это – «Истории», написанные с христианских позиций, «Истории», объясняющие логику всемирно-исторического процесса, представляющие свою (христианскую) философию истории и соответственно обладающие комплексом концептуальных и историографических особенностей.

4. Вопреки принятой точке зрения, такой тип исторических сочинений имел широкое распространение по всей христианской ойкумене поздней античности от Западной Европы до Сирии и от Армении до Эфиопии. В рассматриваемый феномен церковной историографии необходимо включить сочинения не только на греческом, но и на латинском, сирийском, коптском, армянском языках. Конфессиональные границы феномена «Церковных историй» представляются весьма широкими и не ограничиваются сторонниками ортодоксальной церкви. Они активно создавались и сторонниками официальной церкви, и представителями малых конфессиональных групп, не признанных официальной церковью и государством, и светскими людьми.

5. Проведенное исследование заставляет отказаться от взгляда на «Церковные истории» IV–VII вв. как на тенденциозные сочинения низкого качества, пропагандистского или полемического характера. По всей вероятности, «Церковные истории» представляют собой попытку христиан (разного толка) написать новую, истинную историю всего христианского народа (в соответствии с их собственными представлениями об истинной вере) и отражают не столько взгляды и представления, утвердившиеся в церковных кругах, сколько процесс трансформации исторического сознания в целом, смену исторической парадигмы.

6. В концептуальном отношении «Церковные истории» IV–VII вв. обнаруживают определенную специфику и обладают яркой христианской окраской. Именно в рамках христианской концепции истории вырабатываются и утверждаются элементы, столь знакомые современной исторической мысли и являющиеся неотъемлемой частью любого современного исторического исследования.

7. Исключительное значение и революционность «Церковных историй» поздней античности связана не только с концептуальными положениями, но в не меньшей степени и с новой традицией историописания.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в разработке современных учебных курсов по истории, культуре, церкви Поздней античности, ранней Византии и раннего средневековья в истории Западной Европы.

Научная значимость работы состоит в том, что исследование «Церковных историй» как единого исторического феномена позволяет во многом скорректировать наши представления об эпохе IV–VII вв., о тенденциях и закономерностях развития переходных обществ и дать ответы на многие проблемы: автономизации латинской и греческой культур, существования единого культурного пространства в данный период, характера религиозности позднеантичного общества, а также для характеристики позднеантичной эпохи в целом и особенностей, отличающих ее, с одной стороны, от классической античной цивилизации, и от цивилизации средневекового Запада, с другой, для анализа развития христианской исторической мыс-

ли. Исследование во многом меняет устоявшийся взгляд на характер «Церковных историй» IV–VII вв. и приближает к пониманию истинного смысла и значения данного феномена в сохранении исторической памяти и формировании идентичности позднеантичного общества. Кроме того, привлечение к исследованию новых, малоизученных источников и расширение их круга за счет латинских, сирийских, армянских и др. церковно-исторических сочинений позволит более широко взглянуть на развитие позднеантичной исторической мысли в целом и на феномен «Церковных историй» в частности. Изучение этого феномена и осмысление его сути не только ломает принятые стереотипы, но и открывает новое исследовательское поле.

Апробация научных результатов исследования. Диссертация обсуждена на заседании кафедры истории древнего мира и средних веков Нижегородского государственного университета и рекомендована к защите на соискание ученой степени доктора исторических наук.

Отдельные аспекты исследования и его концепция в целом были представлены на конференциях различных уровней, в том числе всероссийских и международных, проходивших в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Тюмени, Омске, Владимире, Пятигорске, Нижневартовске, Париже (Франция), Оксфорде (Великобритания), Праге (Чехия), Софии (Болгария), Будапеште (Венгрия), Пшемьшле (Польша).

Основные положения и результаты работы изложены в более чем 50 публикациях автора общим объемом 54,6 п.л., в том числе в монографии и в 16 публикациях в журналах, включенных в Перечень ВАК РФ.

Исследование проводилось при поддержке отечественных и зарубежных грантов: ('Open Society Institute' Research Grant на участие в работе CEU Summer School 'The Many Cultural Centers of the Early Medieval Oikumene' (1999, Central European University, г. Будапешт); 'Open Society Institute' Travel Grant на участие в работе XX Международного конгресса византинистов (г. Париж, 2001); Исследовательский грант РГНФ (грант № 06-01-00076а «Церковные истории» IV–VII вв. и формирование исторического сознания на рубеже античности и средневековья, 2006–2007 гг.); OSI/FCO Chevening Research Scholarship 2006-2007 ('Church Histories of the IV–VII centuries and the forming of the new type of the historical consciousness in the Early Middle Ages'); Исследовательский грант Международной Ассоциации Гуманитариев 2010–2011 гг. («Феномен “Церковных историй” на рубеже античности и средневековья»); «Традиционные общества Средиземноморья в фокусе междисциплинарных исследований: кросскультурные коммуникации, историческая семасиология, мемориальная политика» (НИР, выполняемая по Заданию Минобрнауки РФ), № темы: Н-036-О. Руководитель: А.В. Махлаюк (2011–2013); грант ФЦПК «Образы прошлого в исторической мысли и политической теории Византии». Руководитель А.В. Махлаюк (2012–2013)).

Структура работы соответствует проблемно-хронологическому принципу и обусловлена спецификой поставленных задач и источникового материала. Работа включает в себя введение, пять глав, разделенных на параграфы, в которых последовательно решаются поставленные исследовательские задачи, заключение, список использованных источников и литературы, а также приложения, облегчающие восприятие предложенной информации.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновываются актуальность, научная новизна и практическая значимость диссертации, определяются объект и предмет исследования, поставлены цель и задачи, а также определяются методология и методы исследования.

Глава I. «Феномен «Церковных историй» в исторической науке» посвящена анализу историографии, так или иначе касающейся «Церковных историй» IV–VII вв. Целесообразность и необходимость выделения данной главы обусловлена существующим историографическим парадоксом: слабая изученность феномена «Церковных историй» и значительное количество нерешенных проблем в этой области сочетаются с обилием и многообразием исследовательской литературы по близким проблемам и смежным отраслям знания. Поэтому место изучаемой проблемы в контексте современной исторической науки и степень ее изученности требуют обширного историографического экскурса.

В первом параграфе «Церковные истории» в современном исследовательском поле» рассматриваются работы, в которых предпринимались попытки обобщения накопленной информации и дать общее представление о развитии литературы и исторической мысли в период поздней античности. Поскольку на сегодняшний день нет ни одной работы ни в отечественной, ни в зарубежной историографии, рассматривающей феномен «Церковных историй» как самостоятельное, целостное явление, представляется необходимым привлечение по ходу исследования специальной литературы по смежным областям знаний – по истории литературы, по истории Византии и Западной Европы данного периода, по истории христианской церкви, по развитию национальных культур в их своеобразии и связях с другими регионами.

На первый взгляд, *зарубежная историография*, так или иначе касающаяся «Церковных историй», довольно богата и разнообразна. Однако при том, что корпус церковно-исторических произведений поздней античности, так или иначе, рассматривался исследователями в самых разных аспектах, тем не менее, работ, специально посвященных исследованию феномена «Церковных историй» поздней античности, практически нет. Здесь можно назвать, пожалуй, только несколько статей Ф. Винкельмана, не столько обобщающих накопленный опыт, сколько обозначающих проблематику исследований¹³.

Некоторые вопросы развития историографической традиции рассматривались русскими дореволюционными историками¹⁴, но в дальнейшем данная проблематика оказалась забыта *отечественной исторической наукой* как мало актуальная и неперспективная. Некоторое возрождение научного интереса к церковно-историческим сочинениям Византии относится к 70-м гг. XX в. Из отечественных

¹³ *Winkelman F.* Die Kirchengeschichtswerke im oströmischen Reich // *Byzantinoslavica*. Bd. 37. 1976. P. 1-10, 172-190; *Winkelman F.* Geschichtschreibung in Byzanz // *Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostok*. Bd. 18. 1969. S. 475–481; *Винкельман Ф.* Византийская церковная историография // *Византийский временник*. Т. 53. 1992. С. 71-80.

¹⁴ *Лебедев А. П.* Церковная историография в главных ее представителях с IV до XX в. СПб., 1903; *Болотов В. В.* Лекции по истории древней церкви. I. Введение в церковную историю. СПб., 1907. По отдельным авторам - *Дьяконов А.* Иоанн Эфесский и его церковно-исторические труды. СПб., 1908; *Дьяконов А.* Кир Батнский, сирийский церковный историк VII века // *Христианское чтение*. декабрь 1911; *Глубоковский Н. Н.* Блаженный Феодорит, епископ Киррский, его жизнь и литературная деятельность. М., 1890. Тт. 1-2; *Розанов Н. П.* Евсевий Памфил, епископ Кесарии Палестинской. М., 1880; *Муретов М. Д.* Евсевий Памфил (Возражение на книгу Н. Розанова «Евсевий Памфил, епископ Кесарии Палестинской») // *Православное обозрение*. 1881. Т. 3. декабрь и др.

исследователей здесь стоит выделить, пожалуй, З.В. Удальцову. Серия ее статей¹⁵ посвящена рассмотрению творчества отдельных ранневизантийских авторов, в том числе и церковных историков, что дает общее представление о развитии позднеантичной (или ранневизантийской) историографии. В значительной степени в этих работах представлен источниковедческий подход.

Единственный современный исследователь, который вновь обратился к изучению данного типа исторических сочинений, – И.В. Кривушин, но и он рассматривает только пять «классических» греческих авторов «ортодоксального» направления, оставляя за пределами своего внимания целую серию других «Церковных историй». Более того, данное исследование скорее подчеркивает своеобразие каждой работы, нежели подводит к осмыслению самого феномена церковных историй как некоего исторического явления.

В целом можно сказать, что проблема осмысления комплекса «Церковных историй» IV–VII вв. как особого культурно-исторического явления не только не решена, но едва только поставлена современной наукой. Церковно-исторические сочинения IV–VII веков, если и рассматривались историками, то либо как источники фактической информации, либо в контексте истории литературы. Большинство изысканий касаются узко-специальных вопросов и скорее служат собиранию информации, нежели ее системному осмыслению. Довольно много сделано исследователями в области изучения отдельных персоналий и их исторических сочинений, однако они рассматривают фигуры авторов обособленно, как бы выхватывая их из общего контекста развития литературного процесса той эпохи. Попытки какой-либо систематизации церковно-исторических сочинений и выявления специфической исторической концепции авторов все еще крайне редки и касаются в основном пяти классических «Церковных историй»¹⁶.

Поскольку в исторической науке сложился ряд устойчивых стереотипов в изучении исторической литературы изучаемого периода (от стандартного выделения пяти «Церковных историй» до разделения христианской литературы на самостоятельные, почти не связанные между собой области в соответствии с языковым принципом), то для осмысления степени изученности данных аспектов, достижений исследователей в этих областях, существующих подходов и всей суммы накопленного знания, вполне оправдан историографический анализ в соответствии с принятыми представлениями. Соответственно, в параграфах 2–5 последовательно рассматриваются опыт и знания, накопленные исследователями при изучении греческих «Церковных историй», включая не только классические образцы, но и сочинения, обычно выпадающие из общего списка, затем латинские церковно-исторические произведения, памятники сирийской и раннеармянской церковно-исторической традиции.

Так, *второй параграф «Греческая церковная историография в современной науке»* акцентирует внимание на проблемах изучения греческой церковной исто-

¹⁵ Удальцова З.В. Из истории византийской культуры раннего средневековья: (Мировоззрение византийских историков IV–VII столетий) // Европа в средние века: Экономика, политика, культура. М., 1972. С. 260–276; Она же. Развитие исторической мысли // Культура Византии. IV – первая половина VII века. М., 1984. С. 182–191; Она же. Филосторгий – представитель еретической церковной историографии // Византийский временник. Т. 44. 1983. С. 3–17 Она же. К вопросу о мировоззрении византийского историка VI века Евagriя // Византийский временник. Т. 30. 1969. С. 63–72; Она же. Церковные историки ранней Византии // Византийский временник. Т. 43. 1982. С. 3–21.

¹⁶ Chesnut G.F. The First Christian Histories: Eusebius, Socrates, Sozomen, Theodoret, and Evagrius. P., 1977; Лебедев А.П. Церковная историография...; Кривушин И.В. Ранневизантийская церковная историография. СПб., 1998.

риографии и дискуссиях, с ними связанных, оценивает разработанность данной проблематики в целом и, наконец, показывает изученность сочинений отдельных авторов, в том числе мало известных.

Сочинения греческих церковных историков составляют, пожалуй, наиболее исследованную область в рамках темы, но и она, по признанию ученых¹⁷, изучена явно недостаточно. При этом практически все работы, касающиеся данной проблематики, рассматривают почти исключительно пять «классических» «Церковных историй» – сочинения Евсевия Кесарийского, Сократа Схоластика, Созомена, Феодорита Киррского и Евагрия, а другие «Церковные истории» IV–VII вв. остаются почти неизвестными отечественному читателю.

Дискуссионную проблему составляет место Евсевия Кесарийского в греческой церковно-исторической традиции. С одной стороны, признание Евсевия «отцом церковной историографии» автоматически ставит его фигуру в исключительное положение. Наибольший интерес исследователей прикован именно к его сочинениям, за которыми признается революционное значение. Остальным же церковным историкам остается скромное место и звание продолжателей Евсевия. Черты и особенности исторической концепции и писательской манеры Кесарийского епископа автоматически переносятся и на всю «евсевиянскую традицию». С другой стороны, даже «классические» церковные историки предстают настолько оригинальными мыслителями и творцами собственных исторических концепций, что в итоге за этими частностями и различиями сложно разглядеть нечто общее, что объединяет церковных историков. Наконец, связи греческой церковной историографии с другими национальными литературами практически не учитываются.

Определенный поворот в изучении византийской литературы в целом, и «Церковных историй» в частности, знаменует появление фундаментальной работы «Греческая и римская историография поздней античности»¹⁸, который представляет собой первую попытку сравнительного анализа греческой исторической литературы в сопоставлении с латинской исторической прозой IV–VI вв. Однако во многом авторы рассматривают христианские исторические сочинения в традиционном ключе, прежде всего, как источник по социальной и политической истории Поздней античности, не уделяя должного внимания особенностям композиционного построения, концептуальным и историографическим особенностям исторических сочинений позднеантичной эпохи. Одну из немногих и, пожалуй, уникальную попытку комплексного рассмотрения христианской историографии III–V вв. с широкими проблемными срезами представляет монография Х. Инглеберт¹⁹. Однако и она дает, скорее, блестящий образец современной каталогизации, нежели глубокое аналитическое исследование развития исторической мысли в эту эпоху, литературных форм или жанров. Автор не выделяет в какие-либо группы исторические сочинения, философские труды, географические трактаты и т.д., не показывает динамики развития идей, жанров, христианской историографии в целом.

Кроме того, сложившаяся давняя традиция изучения церковно-исторического наследия Византии связана с довольно устойчивыми мнениями и стереотипами, принятыми в литературе (в частности, мнение о связи «Церковных

¹⁷ *Кривушин И.В.* Ранневизантийская церковная историография. С. 31; *Allen P.* Evagrius Scholasticus. P. 45.

¹⁸ *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity. Fourth to Sixth century A.D.* Ed. by G. Marasco. Leiden–Boston, 2003.

¹⁹ *Inglebert H.* Interpretatio Christiana. Les mutations des savoirs (cosmographie, géographie, ethnographie, histoire) dans l'Antiquité chrétienne (30–630 après J.-C.). P.: Institut d'Études Augustiniennes, 2001.

историй» с Константинополем и императорским двором; утверждение об обслуживании церковными историками интересов официальной церкви; тезис о разрыве церковных историков с античной традицией историописания и их противоположности в этом отношении светским историям в стиле Прокопия Кесарийского). Многие из этих положений сегодня подвергаются серьезной ревизии. Те черты, которые традиционно воспринимались именно как отличительные особенности «Церковных историй» поздней античности и ранней Византии, в действительности оказываются следствием ложного восприятия современными учеными данного феномена и не могут служить критерием, отличающим «Церковные истории» IV–VII вв. от других исторических сочинений. Включение же пяти «классических» «Историй» в общий контекст развития историко-культурной ситуации и литературного процесса поздней античности заставляет пересмотреть современные представления об этом явлении.

Давняя традиция исследования греческих «Церковных историй» сформировала и устойчивое отношение к этим сочинениям как к добротным (или не очень добротным) источникам фактической информации о событиях церковной жизни той эпохи. Концептуальные особенности этих сочинений стали привлекать внимание исследователей лишь в последние десятилетия. Историографические особенности и проблема жанра до сих пор остаются, можно сказать, нетронутой областью. Связь феномена «Церковных историй» с самой эпохой поздней античности, и, соответственно, причины возникновения и быстрого исчезновения жанра, как и факторы развития церковно-исторической традиции, требования, предъявляемые к подобного рода сочинениям, другие проблемы только начинают обсуждаться.

Что касается остальных (помимо пяти «классических») «Церковных историй» греческих авторов, то изучение их носит спорадический характер. Работ, посвященных их исследованию, не много, они носят разрозненный и единичный характер.

Признание многих церковно-исторических сочинений той эпохи априори компилятивными уводит исследователей от изучения исторической концепции авторов, а основная масса усилий направлена на выявление источников того или иного автора. Традиционный подход к авторам и их текстам приводит к тому, что основные усилия ученых направлены на скрупулезное изучение биографий авторов, выявление их политических симпатий и антипатий, детальную (внешнюю) характеристику источников, но не концептуальные и историографические особенности «Церковных историй». Цели написания подобного рода сочинений, особенности их структуры, обоснование истинности их сочинений, способы аргументации, мотивация и язык авторов и т. д. не становились пока предметом специального исследования, так же как и комплекс идей и теорий, составляющих особую историческую концепцию (или концепции) церковных историков, ее распространенность и востребованность в рамках христианского Средиземноморья в целом или отдельном его регионе.

В результате на сегодняшний день «Церковные истории» не осмыслены и даже не рассматриваются как единый историографический комплекс или как целостный исторический феномен, характерный именно для эпохи поздней античности, формирующийся и функционирующий именно в культурно-исторической ситуации IV–VII вв.

В третьем параграфе «Латинские церковно-исторические произведения в отечественной и зарубежной историографии» показывается, что степень изучен-

ности латинских церковно-исторических сочинений в целом сравнима с изученностью греческой церковной историографии. В XIX в. в западноевропейской науке появляются уже первые научные издания сочинений христианских историков V в. и первые фундаментальные труды, рассматривающие не только отдельных авторов и частные проблемы, но и осмысливающие развитие западноевропейской средневековой историографии в целом²⁰. Однако, несмотря на давнюю традицию изучения христианской историографии IV–VII вв. и значительные успехи в этой области, ее нельзя назвать в полной мере исследованной. В изучении латинских памятников преобладал преимущественно источниковедческий анализ, в то время как концептуальные и историографические особенности данных сочинений совершенно не привлекали внимание исследователей.

Изучение наследия христианских историков отличается определенной дискретностью и фрагментарностью: отдельные фигуры, такие как, например, Августин Блаженный или Павел Орозий, упоминаются практически в любом издании по истории средневековой культуры с указанием некоторых фактов биографии и названиями сочинений, что создает иллюзию полной изученности их наследия, в то время как другие авторы едва известны по именам.

В итоге, общая историографическая ситуация, связанная с изучением латинской христианской историографии, обнаруживает значительное сходство с исследованием греческих церковно-исторических сочинений с точки зрения проблематики, методов и подходов к исследованию, общей степени разработанности.

В четвертом параграфе «Сирийские церковные истории» автор показывает, что изучение сирийской исторической мысли пока еще находится на стадии накопления материала. Отдельные сочинения рассматриваются только с источниковедческой точки зрения вне общего контекста развития исторической литературы. На сегодняшний день ни в отечественной, ни в зарубежной историографии нет ни одной монографии, посвященной комплексному изучению особенностей сирийской церковно-исторической традиции или какому-либо вообще осмыслению феномена «Церковных историй» в сирийской литературе. «Церковные истории» не выделяются в отдельную категорию сирийской литературы²¹.

В целом, сирийская историография IV–VII вв. является очень слабо изученной сферой. Эта область оказывается «чужой» и для сириологов (поскольку в это время территория Сирии была частью Византийской империи и частью византийского мира), и для византинистов, рассматривающих преимущественно греческую культуру. Специфику и некоторую экзотичность придает данному разделу и сирийский язык, доступный лишь сравнительно небольшому кругу узких специалистов.

Отдельные сочинения сирийских историков поздней античности рассматривались либо с источниковедческой точки зрения, либо с фактологической. Ни концептуальные, ни историографические особенности данного типа сочинений не становились пока объектом специального исследования. Мировоззрение авторов (причем, не столько их политические или конфессиональные симпатии и пристрастия, сколько в целом восприятие мира, истории, роли и судеб человечества), а

²⁰ Baur F.Ch. Die Epochen der kirchlichen Geschichtsschreibung. Tübingen, 1852; Büdinger M. Die Universalhistorie im Mittelalter. Wien, 1900.

²¹ Wright W. History of Syrian Literature. L., 1892; Mac-Lean. A short History of Syriac Literature. L., 1894; Duval R. La littérature syriaque. P., 1900; Baumstark A. Geschichte der syrischen Literatur mit Ausschluß der christlich-palastinischen Texte. Bonn, 1922; Brock S. Syriac Historical Writing: A survey of the Main Sources // Journal of the Iraqi Academy. 1979. Vol. 5. P. 297–326.

также их отношение к подбору материала, принципы историописания, методы исследования и т.д. и по сей день остаются практически неизученными.

В пятом параграфе «Армянская историческая традиция V–VII вв. в современной арменологии» подчеркивается слабая изученность этого огромного пласта в развитии позднеантичной исторической мысли и христианской культуры в целом в силу разграничения профессиональных интересов антиковедов, византинистов, медиевистов. Армения V–VII вв. упоминается в большинстве исследований мельком, в основном как периферия античного и ранневизантийского мира.

В имеющихся исследованиях на первый план выдвигаются такие проблемы, как самобытность и уникальность армянской культуры, самоопределение и борьба армянского народа за независимость и т.д.²² Обширные же связи армянской культуры с соседними, ее включенность в единое культурно-историческое пространство позднеантичного мира остаются вне пристального внимания исследователей. Тем не менее изучение проблем армянской истории и культуры в настоящее время активизировалось и вызывает всё больший интерес.

В число приоритетных тем на сегодняшний день входят история армянской государственности²³, церкви²⁴, а также некоторые аспекты армянской культуры,²⁵ в особенности история армянской литературы²⁶. Однако в большинстве случаев изучение сводится либо к созданию общих обзоров по истории армянской литературы²⁷, либо к изучению частных аспектов того или иного произведения или литера-

²² Одним из первых исследователей, обративших внимание на эти проблемы, был А.Дж. Тойнби. См.: *Toynbee A.J. Armenian Atrocities: The Murder of a Nation*. L., 1915; *Idem. The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire*. L., 1915. Начиная с 70-х гг. XX в., количество таких исследований возросло многократно. См., например: *Hovannisian R. Armenia on the Road to Independence*. Berkeley; Los Angeles, 1967; *Idem. The Ebb and Flow of the Armenian Minority in the Arab Middle East* // *Middle East Journal*. 1974. Vol. 28. No. 1. P. 19–32; *Walker C.J. Armenia: The Survival of a Nation*. L.; N.Y., 1980; *Lang D.M. The Armenians: A People in Exile*. L., 1981; *Hovannisian R. The Armenian Genocide: History, Politics, Ethics*. L.; N.Y., 1992.

²³ *Адоңц Н. Армения в эпоху Юстиниана. Политическое состояние на основе нахарарского строя*. СПб., 1908; *Garsoian N. «The Marzpanate»* // *The Armenian People from Ancient to Modern Times*. Vol. I / Ed. R.G. Hovannisian. Houndmills; L., 1997. P. 95–115.

²⁴ *Thomson R.W. Mission, Conversion, and Christianisation: the Armenian example* // *Harvard Ukrainian Studies*. 1988–89. Vol. 12/13. P. 28–45; *Khazinedjian A. L'Eglise Armenienne dans l'Eglise Universelle. De l'Evangelisation au Concile de Chalcedoine*. P., 2002; *Garsoian N.G. Armenia in the Fourth Century – An Attempt to Redefine the Concepts «Armenia» and «Loyalty»* // *Revue des études armeniennes*. № 8. 1971. P. 341–352; *Eadem. Secular Jurisdiction over the Armenian Church (Fourth–Seventh Centuries)* // *Okeanos. Essays Presented to Ihor Sevcenko on his Sixtieth Birthday*. Harvard Ukrainian Studies. Vol. 7. Camb. (Mass.), 1984. P. 220–250; *Eadem. Armenia between Byzantium and the Sasanians*. L., 1985; *Гуайта Дж. 1700 лет верности. История Армении и ее церкви*. М., 2002.

²⁵ *Dowster C. J. F. Armenian Historiography* // *Historians of the Middle East* / Ed. B. Lewis and P.M. Holt. L., 1962. P. 259–268; *Sarkissian K. A Brief Introduction to Armenian Christian Literature*. L., 1960; *The Armenian Image in History and Literature* / Ed. R.G. Hovannisian. Malibu (California), 1981; *East of Byzantium: Syria and Armenia in the Formative Period* / Ed. N.G. Garsoian, T.F. Mathews, R.W. Thomson. Washington, 1982; *Etmekjian J. History of Armenian Literature. Fifth to thirteenth centuries*. N.Y., 1985; *Thomson R.W. Studies in Armenian Literature and Christianity*. L., 1994.

²⁶ *Thomson R.W. The Formation of the Armenian Literary Tradition* // *East of Byzantium: Syria and Armenia in the Formative Period* / Ed. N.G. Garsoian, T.F. Mathews and R.W. Thomson. Washington, 1982. P. 135–150; *Idem. Studies in Armenian Literature and Christianity*. Variorum. L., 1994; *Idem. The Armenian Adaptation of the Ecclesiastical History of Socrates Scholasticus*. Leuven, 2001; *Idem. The Armenian image in classical texts* // *The Armenian Image in History and Literature* / Ed. R.G. Hovannisian. Los Angeles, 1981. P. 9–25.

²⁷ *Патканов К.П. Библиографический очерк армянской исторической литературы*. СПб., 1879; *Аннинский А. Древние армянские историки как исторические источники*. Одесса, 1899; *Thorossian H. Histoire de la Litterature Armenienne. Des origines jusqu'a nos jours*. P., 1951; *Etmekjian J. History of Armenian Literature. Fifth to thirteenth centuries*. N.Y., 1985; *Sarkissian K. A Brief Introduction to Armenian Christian Literature*. L., 1960; *Абегян М. История древнеармянской литературы*. Ереван, 1975; *Hairapetian Srb. A History of Armenian Literature. From Ancient Times to the Nineteenth Century*. N.Y., 1995.

турной деятельности отдельных авторов²⁸. В конечном итоге анализ концентрируется на литературоведческих аспектах, источниковой базе, сюжетной наполненности, заимствованиях, средствах художественной обработки текста, литературном стиле того или иного автора и на выявлении самобытности и уникальности армянской литературы. Специфика же исторической литературы Армении раннего периода, жанры, особенно широко представленные в этот формативный период, их назначение и функции, особенности исторического сознания армян, роль исторической традиции V–VII вв. в формировании национального самосознания армянского народа еще требуют своего серьезного изучения. Сами исследователи-арменисты отмечают, что богатое поле армянской литературы долго ждало основательного анализа и переосмысления ее развития с V по XIII в.²⁹. Несмотря на появление нескольких работ, написанных в данном ключе, поставленная задача до сих пор остается актуальной.

В целом анализ показывает, что исследование феномена «Церковных историй» представляет собой обширную тему, степень изученности которой на сегодняшний день нельзя назвать удовлетворительной. С одной стороны, данная проблематика обеспечена значительным источниковым материалом, имеются солидные критические издания основных исторических текстов, отдельным аспектам этой большой темы посвящена огромная литература, с другой стороны, данный историко-культурный феномен до сих пор остается мало изученным и до конца не понятным.

Современная историография по данной проблематике характеризуется некоторыми общими чертами.

1. При всем богатстве и разнообразии историографии по теме, большинство исследований носят фрагментарный характер, рассматривают частные, узко специализированные вопросы. В результате складывается весьма расплывчатая, порой мозаичная картина, не дающая полного и адекватного представления ни о развитии историко-литературного процесса эпохи IV–VII вв., ни о сущности феномена «Церковных историй» и принципах его функционирования в культурном поле эпохи.

2. Практически во всех общих исследованиях, так или иначе затрагивающих «Церковные истории» IV–VII вв., четко прослеживается тенденция к унификации произведений церковно-исторического жанра. Все они рассматриваются как написанные по одной схеме и различающиеся лишь небольшими особенностями в оценке тех или иных исторических событий. В то же время, в монографических исследованиях, посвященных какому-либо одному источнику или автору, напротив, абсолютизируется его уникальность и своеобразие. Именно эти специфические черты и привлекают, в основном, внимание исследователей, в то время как общая основа этих произведений лишь констатируется, но не получила до сих пор внимательного изучения и адекватной оценки. В результате феномен не получает целостного и адекватного освещения.

²⁸ Примечательно, что наибольший интерес исследователей вызывают два ранних армянских автора – Мовсес Хоренаци и Себеос. Подробнее см.: *Topchyan A. The Problem of the Greek Sources of Movses Khorenac'i's History of Armenia*. Leuven; P., 2006; *Conybeare Fr.G. The Date of Moses of Khoren // Conybeare Fr.G. The Armenian Church. Heritage and Identity*. N.Y., 2001. P. 867–879; *Idem.. Review of Histoire d'Heraclius per l'Eveque Sebeos, by Frederic Macler // Conybeare Fr.G. The Armenian Church. Heritage and Identity*. N.Y., 2001. P. 888–889; *Howard-Johnston J. Armenian Historians of Heraclius: an examination of the aims, sources and working-methods of Sebeos and Movses Daskhuzantsi // The Reign of Heraclius (610–641): Crisis and Confrontation / Ed. G.J. Reinink, B.H. Stolte*. Leuven, 2002. P. 41–62.

²⁹ *Etmekjian J. History of Armenian Literature. Fifth to thirteenth centuries*. N.Y., 1985. P. 4.

3. В существующей научной литературе сформировалось довольно устойчивое представление о достаточно узких рамках (хронологических, территориальных, конфессиональных, историографических и проч.) данного явления. Вопрос о реальных масштабах распространения феномена «Церковных историй» даже не ставился. Соответственно причины возникновения феномена «Церковных историй» и причины стремительного его исчезновения в VII в., факторы становления церковно-исторического жанра, как и связь с самой эпохой поздней античности до сих пор не установлены.

4. Интерес исследователей фокусируется вокруг одного языкового поля, преимущественно, греческого, в меньшей степени – латинского, еще меньше – сирийского, коптского, армянского. Между тем, историческая действительность поздней античности характеризуется как раз активным бытованием множества языков, взаимодействием и переплетением, взаимопроникновением разных культур и языковых сред. Соответственно полилингвистичность является и характерной чертой исторической литературы этой эпохи. Однако в современной историографии греческую, латинскую, сирийскую и т.д. христианскую литературу рассматривают каждую по отдельности. Не наблюдается даже тенденции изучать их в комплексе, вместе, во взаимодействии. Вопрос о единстве феномена «Церковных историй» даже не ставился, а его части изучены крайне неравномерно. Лучше всего изучена греческая традиция, и соответственно греческие «Церковные истории», достаточно хорошо – латинские, значительно хуже – сирийские, армянские и др. В отличие от всей предшествующей практики изучения, настоящая работа представляет собой «горизонтальный срез» развития христианской историографии (через призму «Церковных историй») на всем пространстве христианской ойкумены.

5. Общей тенденцией, присутствующей в историографии, является указание на зависимость всех «Церковных историй» от образца, предложенного Евсевием. Однако в действительности эта зависимость и единство евсевианской традиции лишь констатируется, а настоящим предметом исследования становятся отличия каждого отдельного произведения от образца, данного Евсевием Кесарийским. В результате каждый автор оказывается настолько самостоятельным, и их произведения - настолько оригинальными и отличными от «Истории» Евсевия Кесарийского, что говорить о единой евсевианской традиции или развитии единой исторической концепции уже не приходится.

Наконец, еще одним важным аспектом современных исследований церковно-исторической традиции является выявление цели и назначения данного типа произведений. На сегодняшний день в исторической литературе представлены три точки зрения на характер и смысл данных произведений. Одни исследователи видят в «Церковных историях» IV–VII вв. скрытый панегирик правящему императору, другие считают их пропагандистскими произведениями, призванными насадить правильный образ мысли, третьи вообще считают данные сочинения некоей формой протеста малых конфессиональных групп против утверждения единой ортодоксальной формы христианства. Однако ни одна из этих концепций не является бесспорной, против каждой из этих гипотез в литературе высказываются вполне справедливые возражения.

Таким образом, при всем обилии исследований и публикаций, рассматривающих церковно-исторические произведения позднеантичной эпохи, степень изученности проблемы оказывается незначительной. Многие из указанных источников практически не исследованы ни с литературной, ни с исторической, ни

с культурологической точки зрения. Другие источники довольно хорошо известны современным ученым и неоднократно привлекались к изучению, однако исследования, как правило, не выходят за рамки традиционных тем, привычных подходов, сложившихся за многовековую традицию мифов и стереотипов. Многие аспекты, в том числе и концептуальные и историографические особенности данного типа сочинений, остались за пределами исследовательского поля историков. Отдельные теоретические проблемы до сегодняшнего дня даже не ставились. Все это еще раз подтверждает и подчеркивает новизну, важность и актуальность данного исследования.

Глава II «Церковные истории» в контексте христианской исторической мысли и историописания» посвящена определению и систематизации самого круга источников, попадающих в категорию «Церковных историй». При этом, традиционное разделение церковно-исторических сочинений по территориальному (национальному, языковому) принципу представляется не вполне целесообразным, поскольку жесткое выделение региональных групп и их разграничение друг с другом не дает целостного восприятия феномена и не позволяет проследить динамику в развитии церковно-исторического жанра. Соответственно глава построена по хронологическому принципу и разделена на параграфы, последовательно рассматривающих данное явление в динамике от зарождения новой литературной формы и первого сочинения Евсевия Кесарийского вплоть до последних образцов данного жанра.

Первый параграф «Евсевий Кесарийский и начало церковного историописания» посвящен фигуре родоначальника церковно-исторического жанра и его роли в культурно-исторической жизни своей эпохи. Именно его сочинения послужили отправной точкой в формировании и развитии двух новых жанров христианской историографии – «Церковных историй» и «Хроник». Он дал образец, которому следовали в дальнейшем многие позднеантичные и раннесредневековые писатели³⁰.

Второй параграф «Первые продолжатели Евсевия. Церковные истории IV в.» посвящен анализу сочинения Геласия Кесарийского и его места в линии церковных историков IV–VII вв. Включение данного источника в круг «Церковных историй» поздней античности несколько меняет утвердившуюся схему развития жанра. В принятой современной наукой картине имеется существенная лакуна, породившая так называемую «проблему пропавшего столетия». В традиционной схеме развития жанра «Церковных историй» от первого образца, предложенного Евсевием в самом начале IV в., до классических «Церковных историй» оказывается более ста лет. Возникает естественный вопрос, что же происходило в эти сто лет в сознании людей и в истории исторической мысли, наблюдается ли какое-либо развитие идей и историографической формы, заданной Евсевием Кесарийским, или, в случае отрицательного ответа, можем ли мы считать «Церковные истории» особым жанром христианской литературы?

Проведенный анализ позволяет заключить, что, после «интеллектуального переворота IV в.» и образца нового исторического сочинения, данного Евсевием Кесарийским, не наступает ожидаемого бума в создании идеологически выверенных произведений, формирующих массовое сознание. После «Церковной истории» Евсевия до создания следующего аналогичного сочинения проходит около 70 лет, а IV век характеризуется, таким образом, всего двумя «Церковными историями».

³⁰ Параграф построен на материалах и выводах нашей монографии: *Ващева И.Ю.* Евсевий Кесарийский и становление раннесредневекового историзма. СПб., 2006.

Следовательно, говорить о целенаправленном воздействии на население со стороны утверждавшейся новой церкви с целью пропаганды новой идеологии вряд ли возможно. Кроме того, первые «Церковные истории» связаны своим происхождением не с Константинополем и императорским двором, а с Кесарией Палестинской, бывшей тогда одним из крупнейших культурных, научных и религиозных центров, и очагом распространения новой литературной формы явился не политический центр, не столица, а один из культурных, образовательных и религиозных центров своей эпохи. Наконец, главной фигурой в деле создания сочинений нового жанра является ученый епископ, не связанный ни с политикой, ни с высшими иерархами новой церкви. В целом, «Церковные истории» IV в. по своему характеру лишь с большим трудом и натяжкой могут рассматриваться как примеры пропагандистской литературы, имеющие целью утверждение истинной веры или прославление правящего императора. В итоге, уже в этот, начальный момент картина развития церковно-исторического жанра и в целом историописания той эпохи в значительной степени отличается от того стереотипа, который утвердился в современной науке.

В *третьем параграфе «V век в развитии христианской историографии»* рассматриваются сочинения не только трех признанных византийских (греческих) церковных историков Сократа Схоластика, Эрмия Созомена Саламинского и Феодорита Киррского, но и других, не менее ярких и специфических христианских писателей. Несмотря на все различия и региональные особенности, все они имеют много общего и имеют непосредственное отношение к кругу «Церковных историй». Все они написаны примерно в одно время, с христианских позиций. Все они, так или иначе, ориентированы на «Историю» Евсевия, и сами, в свою очередь, оказали влияние на развитие традиции. Данные работы представляют собой важное звено в развитии церковно-исторической традиции и существенным образом дополняют и корректируют устоявшиеся представления о сути и значении феномена «Церковных историй».

Обилие имен и сочинений заставляет говорить о довольно широких масштабах распространения самого феномена и его значимой роли и активном функционировании в культурно-историческом поле поздней античности. Создание сочинений с однотипным названием («Церковная история» или «Христианская история» или «История против язычников» или просто «История») демонстрируют насущную потребность нового общества в фиксации или, точнее, в конструировании заново собственной истории, истории христианской империи, которая не могла принять никакую другую форму, кроме «Церковной истории».

Идейным и культурным центром того времени трудно считать исключительно Константинополь. По крайней мере, развитие христианской мысли и развитие церковного историописания представлено самыми разными центрами по всей христианской ойкумене того времени. Соответственно трудно согласиться с расхожим утверждением о том, что «Церковные истории» были исключительно греческим феноменом. На наш взгляд, это было широко распространенное явление, общее и важное для всего христианского мира поздней античности. Конкретные же места создания «Церковных историй» совпадают не столько с политическими, сколько с культурно-религиозными центрами позднеантичной эпохи.

Историческая мысль того времени исключительно многоязычна и представлена сочинениями на греческом, латинском, сирийском, армянском и даже копт-

ском языке. Это обстоятельство также подчеркивает широкое распространение и полицентризм феномена «Церковных историй».

Широкий географический охват проявляется и в концептуальной сфере. Практически все церковно-исторические сочинения V в. обязательно ориентированы на всемирно-историческую перспективу. Авторы, даже рассказывая о событиях в Константинополе, Риме, Александрии, Сирии или Армении, обязательно стремятся вписать местную историю в контекст истории всей христианской ойкумены.

V век, вероятно, явился временем самого активного поиска оптимальной формы для выражения новых (христианских) идей, различных опытов и экспериментов в выработке новых моделей и стандартов историописания. Сочинения Филиппа Сидского и Геласия Кизикийского являют собой яркий пример таких экспериментов и исканий.

Четвертый параграф «VI век в развитии церковного историописания» посвящен анализу изменений в церковном историописании, произошедших в VI в. Среди авторов «Церковных историй» VI в. обычно упоминают одного лишь Евагрия. В действительности, к этому же периоду относится творчество Феодора Анагноста (Чтеца), Иоанна Диякриномена и Василия Киликийского, Кассиодора, сирийских историков Иоанна Эфесского, Кира Батнского, Бархадбешаббы и некоторых других авторов, о мировоззрении и работах которых известно крайне мало. В целом VI век обнаруживает некоторые новые тенденции в развитии жанра и отражает, видимо, общие процессы в культурной жизни христианской ойкумены.

В количественном отношении VI век представлен шестью сочинениями, которые можно рассматривать как «Церковные истории». По сравнению со всплеском литературной активности V в. (когда было создано около полутора десятка церковно-исторических сочинений), это дает возможность говорить о некотором интеллектуальном и литературном затишье, однако говорить о вымирании жанра в VI в. все же не приходится. Светская историография этого периода также представлена немногими именами.

Территориально в VI в. значительно лучше представлена восточная часть христианской ойкумены. Большая часть церковно-исторических сочинений этого периода создаются либо в Константинополе, либо на территории Сирии. Западно-европейская церковно-историческая традиция представлена достаточно слабо (здесь можно назвать, пожалуй, только сочинение Кассиодора). Армения и Северная Африка не дали ни одной «Церковной истории» в этот период. Таким образом, можно говорить о некотором сужении ареала распространения «Церковных историй» в VI в. и о концентрации их практически в одной зоне. Локализация их вокруг Сирии и Константинополя, возможно, связана с активизацией монофизитских споров, особенно сильно затронувших именно эти территории империи. Еще одним возможным объяснением может служить то обстоятельство, что это были, пожалуй, единственные территории, не тронутые масштабными войнами императора Юстиниана, и здесь авторы по-прежнему имели возможность вести привычный образ жизни, заниматься историческими изысканиями и литературным творчеством.

В литературном отношении, вероятно, можно говорить об относительной стабилизации жанра «Церковных историй». Если V в. характеризуется появлением очень разноплановых и разнородных церковно-исторических сочинений, многочисленными попытками развития жанра в разных направлениях, то к VI в., вероятно, можно говорить уже о некоей единой линии и выработанных единых стандартах написания подобного рода сочинений. То новое, что появляется в формах цер-

ковного историописания, связано с появлением компиляций и продолжений. Именно в этот период времени появляются такие своеобразные работы, как «Трехчастная история» Феодора Анагноста и аналогичная «Historia Tripartita» Кассиодора. Очевидно, что накопленный массив информации, признанной достоверной и правильной, теперь нуждался не столько в концептуально ином изложении или корректировке, сколько в более доступной для читателя форме. Эти и другие авторы лишь дополняют хрестоматийную информацию новой, своей собственной, современной им историей. Во многих случаях эта дополняющая информация носит местный, восточный колорит. Если в V в. авторы «Церковных историй», так или иначе, ориентировались на греческие образцы литературных произведений, то в VI в. четче вырисовываются местные особенности.

В параграфе пятом «Исторические сочинения VII века. Последние образцы» рассматриваются два очень своеобразных сочинения, созданных в разных концах христианской ойкумены, но которые по своему содержанию, структуре, общей направленности близки церковно-исторической традиции поздней античности - это «Хроника» Иоанна Никиусского и «История» епископа Себеоса.

Несмотря на то, что эта эпоха была весьма насыщенной важными и драматическими историческими событиями, в этот период практически не создается исторических трудов, ни светского, ни церковного направления. К VII в. относится всего два сочинения и оба они созданы на периферии христианского мира. Ни одно из них не имеет названия собственно «Церковная история». Одно называется «Хроникой», другое – «История императора Иракла», хотя, по сути, объему, форме и основному содержанию они сильно напоминают именно «Церковные истории» и ориентированы на образец, предложенный Евсевием Кесарийским. Тем не менее, очевидно, что историческая литература того времени начинает поиск новых форм, более соответствующих требованиям времени. Хотя эти сочинения по-прежнему предполагают всемирно-историческую перспективу повествования, тем не менее, в них все ярче проявляется местный колорит и «национальная» ориентированность. Выбор авторами названия и жанра свидетельствует об изменении интересов и ожиданий общества. Объясняющие жанры, раскрывающие суть происходящего, утверждение божественной истины и культурной идентичности собственного народа, доказывающие правильность избранного империей пути и дающие новые ориентиры, уже выполнили свою задачу и теряют свою актуальность и необходимость. На смену им приходят сочинения другого рода – фиксирующие события в жесткой хронологической сетке, либо дающие многочисленные детали и подробности одного события. Соответственно сокращается хронологический охват таких сочинений и приводится больше локальных подробностей.

В целом, время создания «Церковных историй» укладывается в хронологические рамки IV–VII вв., т.е. совпадает с эпохой поздней античности. Значительный масштаб и широкой ареал распространения по всей христианской ойкумене того времени от Испании до Сирии заставляет думать, что феномен «Церковных историй» не являлся порождением элитарной культуры Константинополя или случайным плодом литературной деятельности горстки столичных льстецов и интриганов, но был значительным и важным явлением в историко-культурном развитии Средиземноморской ойкумены поздней античности.

В концептуальном отношении заметна тенденция к постепенному сокращению территориального и хронологического охвата. Всемирная история от Сотворения мира или Всемирного потопа постепенно уступает место сочинениям, где эта

хронологическая протяженность и универсальность всемирной истории, скорее подразумевается, чем открыто декларируется, а основное внимание автора сосредотачивается на современных ему событиях и подробностях местной, региональной истории. В религиозном плане намечается постепенная девиация от поликонфессиональности и религиозного многообразия к унификации вероучения и единству церковной линии. В политическом отношении христианская (Священная) история и история империи все более и более сближаются. Если в сочинениях Евсевия Кесарийского появляются лишь точечные соединения двух этих линий, развивающихся практически независимо друг от друга, то в сочинениях VI–VII вв. становится очевидной секуляризация Церковной истории. Однако соединение двух этих параллельных линий в рамках церковно-исторических сочинений приводит не к разрушению историко-церковного жанра, по выражению И.В. Кривушина³¹, а к реализации христианской истории в истории империи.

С точки зрения историографических новшеств «Церковные истории» IV–VII вв. демонстрируют развитие формы от исследовательских сочинений и дотошной работы с источниками, документами и архивами до компиляций и хрестоматий, а с другой стороны, от сложных многофункциональных произведений к хроникам и кратким историческим монографиям.

В целом, динамика развития церковно-исторического жанра, на наш взгляд, отражает не столько процесс утверждения христианской церкви и осознанного и целенаправленного обоснования ее растущих потребностей, сколько изменение общей интеллектуальной парадигмы эпохи. Спады и подъемы в развитии феномена «Церковных историй» соответствуют таким же пикам в развитии светской историографии и, на наш взгляд, демонстрируют развитие интереса общества к истории вообще. Соответственно, писались такие сочинения не с апологетической целью и не для пропаганды нужных религиозных или политических взглядов, но для объяснения происходящего, обоснования правильности избранного империей пути. В условиях кризиса римской идентичности основной целью и функцией «Церковных историй» становится построение новой идентичности. Ядром этой новой культурно-исторической общности является Христианская Империя, ассоциируемая с Константинополем и византийскими императорами. Однако в условиях того времени воспринимается она не как национально-государственное образование, а как некая культурная или духовная общность (совокупность всех христиан). Новая история, история христианской империи могла получить форму только христианской или церковной истории. Не случайно, что даже светские лица, никогда ранее не занимавшиеся историей, принимаются за написание именно «Церковных историй». Вероятно, это обстоятельство может служить еще одним аргументом в пользу важности данного феномена не только для христианской церкви, но и для всего общества.

Глава III «Социокультурные факторы формирования и развития церковной историографии на рубеже античности и средневековья» посвящена анализу факторов, обусловивших развитие церковной историографии на рубеже античности и средневековья, и поиску определяющих обстоятельств, не только вызвавших к жизни появление нового типа исторических сочинений, а затем его стремительное исчезновение в середине VII в., но и оказавших влияние на его окончательную форму. В главе последовательно рассматриваются географический фактор (точнее, вопрос об исключительно греческом происхождении «Церковных историй»),

³¹ Кривушин И.В. Ранневизантийская церковная историография... С. 226.

внешнеполитические обстоятельства, религиозная ситуация в регионе и ее влияние на формирование христианской исторической мысли, общие тенденции развития самого литературного процесса, социально-экономические и внутривосточные изменения в регионе и, наконец, психологическая (социокультурная) ситуация на пороге средневековья с ее ощущением кризиса идентичности. Дается анализ обсуждаемых в литературе факторов (наиболее часто упоминаемыми из которых являются влияние социально-экономических изменений и арабского нашествия на историко-литературную ситуацию в регионе) и предпринимается попытка заново осмыслить накопленный в этой сфере опыт и пересмотреть некоторые принятые в науке мнения.

Первый параграф «Культурные центры позднеантичной ойкумены и вопрос об автономизации латинской и греческой культур (III–VII вв.)» во многом опровергает утверждение об исключительно греческом характере позднеантичных «Церковных историй», как и тезис об автономизации латинской и греческой культур, которые не дают адекватного объяснения причин возникновения в IV в., а затем столь же стремительного исчезновения в VII в. целого направления исторической литературы. Географический фактор не объясняет ни специфики данного типа сочинений, ни хронологические рамки его существования; а вопрос о причинах и факторах развития данного феномена требует поиска других ответов.

Реальная картина развития культурно-исторического процесса в интересующем нас регионе выглядит несколько сложнее, чем обычно его представляют. Главным процессом, определившим лицо эпохи, очевидно, было не выделение двух конкурирующих и противостоящих культурных центров – Рима, объединяющего вокруг себя латинский мир, и Константинополя, бывшего ядром греческого культурного пространства, а гораздо более сложное развитие культурно-исторической ситуации. Вероятно, христианская ойкумена от Испании до Сирии ощущала свое единство, и ядром ее была именно греческая культура. Однако уже с V в. отношения ее центра и периферии развиваются неоднозначно. После падения Рима на положение ведущих культурных, образовательных, научных центров постепенно выходят другие города, расположенные на периферии римского мира. Такими культурными очагами ойкумены, поставившими выдающихся мыслителей и общественно-политических деятелей, оказывавшими мощное влияние на соседние регионы в сфере культуры, науки и просвещения, становятся Сирия, Армения, Палестина, Малая Азия, а на Западе – Испания. Таким образом, автономизация латинской и греческой культур представляет собой лишь одну грань тех сложных процессов, которые в действительности происходили в III–VII вв. на всем пространстве раннесредневековой христианской ойкумены, и лишь один аспект сложной системы отношений «центр – периферия».

Во втором параграфе «Влияние арабских завоеваний на развитие церковной историографии» подвергается критической оценке тезис о решающем значении внешнеполитического фактора в развитии церковной историографии. Многие исследователи признают, что неким поворотным моментом в судьбе грековизантского мира и всей христианской ойкумены того времени является 2-я пол. VII в. Этот же временной отрезок оказался критическим для развития позднеантичного жанра «Церковных историй». Вполне естественно, что возникает соблазн связать эти изменения и, в частности, прекращение церковного историописания, сокращение объемов литературной продукции и в целом некоторый спад в культурном развитии региона с арабскими завоеваниями. Именно арабские завоевания

и серьезные внешнеполитические трудности кажутся первой и наиболее очевидной причиной изменения общей культурной ситуации в регионе в сер. VII в. Лишь очень немногие ученые пытаются дать исчерпывающее объяснение данной ситуации, вместо анализа глобального слома на рубеже VII–VIII вв. ограничиваясь констатацией внешнеполитических проблем, обрушившихся на Византийскую империю в это время. Однако как показывает анализ ситуации, влияние арабов оказывается не столь значительным и разрушительным, Каких-либо глобальных опустошений и разрушений не последовало, гонений и притеснения деятелей греческой культуры также не наблюдалось. Более того, сами арабы-завоеватели преклонялись перед культурой и ученостью греков, сирийцев, коптов, старательно учились у них и охотно перенимали достижения культуры. Очевидно, что причины постепенного исчезновения церковно-исторических сочинений и изменения культурно-исторической ситуации в целом стоит искать в другом.

На развитие историографии и объемы литературной продукции арабское нашествие, вероятно, оказало не столько прямое влияние, сколько косвенное. В результате арабских завоеваний Византия лишилась целого ряда древних культурных центров: Александрии, Антиохии, Бейрута, Нисибиса и т.д. Упадок городов и аграризация экономики, которым арабские завоевания также способствовали, приводят к сокращению городского населения и постепенному угасанию городской культуры. Соответственно сокращается читательская и писательская аудитория историков. В целом, очевидно, что не во внешних опасностях кроется основная причина кардинальных изменений литературной жизни империи. К VII в. медленно, но неуклонно накапливаются значительные изменения во всех сферах жизни общества от геополитической ситуации, административного устройства, экономических сдвигов, эволюции полиса и т.д., которые коренным образом меняют социальную ситуацию в империи и сам характер интеллектуальной жизни. Под влиянием социальных и экономических изменений происходит сокращение городского населения, исчезновение самой городской культуры и соответственно литературной элиты городов, наблюдается падение интереса и общих знаний об исторических событиях, что в конечном итоге приводит к исчезновению не только одного жанра «Церковных историй», но и к существенному сокращению историописания как такового.

Третий параграф «Становление христианской церкви и развитие христианской исторической мысли» оценивает роль религиозного фактора в появлении и развитии «Церковных историй» позднеантичной эпохи. «Церковные истории» представляют собой специфический жанр, находящийся на пересечении историописания и религиозной литературы. Само название «Церковных историй» говорит об их прямом отношении и тесной связи с историей христианской церкви. Соответственно напрашивается вывод об исключительной роли религиозного фактора в возникновении и функционировании этого культурно-исторического феномена и особого рода исторического повествования. Однако в работе акцент делается не на религиозной пропаганде и обслуживании «Церковными историями» интересов утверждавшейся церкви, а на влиянии формационных процессов внутри христианской церкви на становление церковной историографии.

Отмечается, что период IV–VII вв. – это время становления церковного учения, время относительной свободы и творческих поисков, время, отмеченное развитием догматической и полемической литературы, время складывания и оформления самого понятия «ересь», время активного обсуждения множества вопросов

на Вселенских соборах, на которые собирались представители самых отдаленных епархий Востока и Запада. В VIII в. происходит основательная трансформация самой церковной жизни. Как справедливо отметил С. Манго, происходят значительные изменения, связанные с прекращением теологических споров. «После VII Вселенского Собора (787) Византийская церковь закрыла свои книги»³². С этого времени учение христианской церкви обретает статус канонического, незыблемого и неизменного. VII Вселенский собор был последним общим собором, в котором участвовали представители и восточных и западной церквей. С завершением эпохи Вселенских соборов замедлилось и активное богословское творчество. Началось время осмысления накопленного наследия, а вместе с ним и некоего отвердевания догматического учения.

Возникновение и функционирование «Церковных историй» и формационные процессы внутри христианской церкви не являются случайным совпадением. Появление и развитие жанра «Церковных историй», безусловно, связано с развитием христианского учения, становлением церкви и складыванием ее отношений с государством. Более того, само существование данного типа сочинений необходимо и возможно именно в период становления и оформления учения и самого института церкви. Оно соответствует некоему периоду интеллектуального роста и активных творческих поисков. Данный тип церковно-исторических произведений призван был дать приемлемое объяснение ходу исторического процесса и согласовать сведения из библейской истории с собственным античным прошлым, обосновать причастность собственного народа или своей этно-конфессиональной группы христианской истине, вписать собственное настоящее и прошлое в единую, определенную Богом историю Спасения. С того момента, когда церковь занимает прочные позиции и само учение принимает догматический характер, облик некоей незыблемой истины, потребность в подобного рода объясняющих произведениях исчезает. На смену «Церковным историям», содержащим авторское видение исторического процесса и собственное объяснение смысла происходящего, приходят «Хроники», основной целью которых была лишь бесстрастная фиксация и каталогизация событий, а также демонстрация единства веры и культа. В новую культурно-религиозную ситуацию «Церковные истории» уже не вписываются.

Параграф четвертый «Церковные истории» в контексте развития византийской литературы IV–VII вв.» рассматривает в качестве одного из возможных факторов появления и становления церковного историописания развитие самого литературного процесса. В параграфе показано, что хронологические рамки существования феномена «Церковных историй» и динамика изменения этого явления полностью соответствуют общим тенденциям развития византийской литературы и трансформации культурной ситуации в Византии того периода в целом. Светская и церковная историография и литература в целом развиваются параллельно, одинаковыми темпами, в одном направлении и в одном ритме. Переломным моментом в развитии и светского историописания, и церковного выступает середина VII в. Однако кардинальные изменения VII в., очевидно, связаны не только и не столько с арабским нашествием, сколько с трансформацией характера самой литературной деятельности. К концу VII в. отчетливо проявляется снижение интеллектуальной активности общества, замирает литературное творчество, отмечается спад интереса к истории. «Церковные истории» более не выполняют более свои функции и теряют свое значение и смысл. На смену объясняющим историческим сочинениям при-

³² *Mango C. New Religion, Old Culture // The Oxford History of Byzantium / Ed. C. Mango. Oxford, 2002. P. 111.*

ходят краткие хроники, утверждающие единство веры, единообразие культа и лишь фиксирующие события без каких-либо развернутых комментариев. На смену многообразию и вариативности приходят упрощение и унификация (идейная, религиозная, политическая, культовая и т.д.). В новую интеллектуальную ситуацию «Церковные истории» уже не вписываются.

В параграфе пятом «Влияние внутривосточных и социокультурных изменений на становление церковного историописания поздней античности» кратко анализируются социальные, экономические, внутривосточные изменения, происходящие в эпоху поздней античности, и показывается, что развитие литературного процесса было обусловлено социально-политической ситуацией в стране и теми изменениями, которые происходят в разных сферах. Наиболее заметными и важными процессами, о которых неоднократно писали ученые, являются аграризация, изменение характера городской экономики, кризис античного полиса, сокращение администрации, запрет театральных зрелищ и в целом затухание городской жизни. Накапливавшиеся изменения, пусть даже, на первый взгляд, небольшие, в сочетании друг с другом, в совокупности, к середине VII – началу VIII в., приводят к необратимым последствиям. «Церковные истории» поздней античности дают нам удивительный срез жизни общества, своеобразный «портрет цивилизации», переживающей системный кризис.

Шестой параграф «Кризис римской идентичности как фактор возникновения феномена «Церковных историй» IV–VII вв.» акцентирует внимание на культурной ситуации поздней античности в целом, и специально - на кризисе римской идентичности, истоки которого лежат в кризисе III в. Кризис римской идентичности, возможно, явился одним из решающих факторов, определивших характер церковного историописания поздней античности. На наш взгляд, этот кризис, вызванный расхождениями между традиционными ценностями и устоями, на которых основывалась Римская империя, и реальной действительностью нового времени становится одной из самых серьезных проблем, значимых для всего общества той эпохи. Несмотря на то, что новое общество стойко старается сохранить концепт «римляне», «римский» в названии самого государства и в названии народа, все более четко осознается процесс изменения идентичности. Новая историческая ситуация, в которой оказывается общество, больше не может быть адекватно интерпретирована в привычных категориях сознания, в соответствии со всем прошлым историческим опытом и традиционными римскими ценностями. Веками сформированные стереотипы исторического сознания приходят в столкновение с новым опытом, не укладывающимся в рамки привычных исторических представлений. Разрешить культурно-исторические противоречия, возникшие в условиях кризиса римской идентичности, или сформулировать новые принципы культурной идентичности во многом предстояло церковным историкам IV–VII вв.

В целом, исчезновение «Церковных историй», т.е. целого направления в литературной жизни общества, трудно объяснить простым вырождением жанра. Оно было подготовлено и обусловлено целым комплексом причин, выбрать из которого одну, определяющую, весьма сложно. Здесь можно говорить об арабском нашествии и геополитических изменениях, смене границ и центров (культурных, политических, религиозных) христианского мира; об изменениях в положении церкви; об изменении статуса еретика; о новых тенденциях в развитии литературы; о социальных изменениях и смене интеллектуальной элиты общества, а соответственно изменении облика писателя и читательской аудитории и т.д.

Очевидно, что к VIII в. перед нами предстает уже совершенно иная цивилизация, обладающая иными границами, иной политической системой, совершенно новой социальной структурой и иерархией общества. Кризис полиса и аграризация приводят к формированию принципиально иной хозяйственно-экономической системы. Прежняя оживленная городская жизнь со спорами и учеными беседами в портиках, на площадях и зрелищами на ипподроме уходит в прошлое. Интеллектуальная элита, воспитанная в духе античных традиций, и слой образованных людей заметно сокращается. На место многообразия и богатства интеллектуальной деятельности приходит унификация веры и культа, иные формы отношений власти и подданных. Изменения затрагивают практически все сферы жизни общества. Можно говорить, вероятно, о некоем системном сломе. Позднеантичная эпоха постепенно сходит со сцены. Вместе с ней сходит на нет и жанр «Церковных историй» как особое или направление в развитии литературы и исторической мысли того времени. Дело здесь, видимо, не в вырождении жанра, не в упадке литературного мастерства, а в том, что новая социальная реальность ставила перед учеными и писателями новые задачи. Соответственно возникают и новые формы литературного творчества и новые формы репрезентации прошлого и исторической действительности, лучше соответствующие требованиям времени.

Основное содержание *IV главы («Христианская концепция истории: новые модели и способы интерпретации истории»)* составляет анализ концептуальных особенностей церковно-исторических сочинений поздней античности. Специфика «Церковных историй» определяется в соответствии с выделением определенных параметров. *Первый параграф «Языческое» прошлое и новое видение истории»* посвящен исследованию принципов переоценки всей предшествующей исторической традиции церковными историками IV–VII вв. и построения ими «новой истории»: формированию собственного исторического нарратива, отбору значимых для христианской картины мира исторических событий с древнейших времен до современности и конструированию из них своего нового прошлого.

Подчеркивается, что античное наследие играло весьма заметную роль в мировоззрении и творчестве христианских писателей IV–VII вв. В разном историческом контексте рецепция античной истории имела разное значение: служила подтверждением христианской истины, являлась доказательством превосходства христианского настоящего над языческим прошлым, способствовала формированию национального самосознания или служила обоснованием причастности собственного народа к универсальной истории Спасения.

В христианской истории Спасения ветхозаветное прошлое оказывается гораздо более значимым, нежели античное. Церковные историки IV–VII вв. обращаются не только к древним пророчествам, но и к сюжетам и образам ветхозаветной истории. Причем, события и персонажи ветхозаветного прошлого для них так же историчны, как и жизнь Иисуса Христа. В некоторых случаях интерпретация этих событий отличается от библейской, но оказывается настолько важной для авторов, что они включают эти сюжеты в свои «Истории». Этот преимущественный интерес к ветхозаветному прошлому, вероятно, не стоит воспринимать как свидетельство фанатичной веры историков или их религиозной ангажированности, заставлявшей искажать истину в угоду официальной церкви. Скорее, в этом можно усмотреть проявление достаточно устойчивой закономерности историко-культурных пара-

дигматических трансформаций³³ – поиск истоков собственной культуры не в непосредственном, «вчерашнем» прошлом, а в более далеком. Именно поэтому в церковно-исторических сочинениях IV–VII вв. достаточно четко читается отождествление себя с иной (неантической) культурной традицией и обращение к ветхозаветным корням как более раннему прошлому, нежели греческая или римская история.

При этом «перестройка историко-культурной парадигмы, даже оформленная внешне как последовательное отрицание старого, оказывается на деле поглощением и «перевариванием», т.е. перераспределением, переакцентуацией, синтезированием предшествующего культурного материала, постепенным «вбиранием» в себя предшествующей традиции³⁴ и ее перерождением в ходе становления новой художественной системы и культурной парадигмы в целом.

Можно отметить, что для историков переходной эпохи проблема поиска своего прошлого стояла достаточно остро и являлась одним из важнейших вопросов с точки зрения самоидентификации народа. Как показывает М. Маас³⁵, VI век не дает еще единого образа прошлого. Многие картины и варианты прошлого, восходящие к разным литературным и культурным традициям, – прошлое Римское и греческое, светское и церковное, Ветхо- и Новозаветное – привлекали внимание ученых и общественных деятелей VI в. и одинаково могли претендовать на статус «общего» прошлого. Поэтому проблема выбора или построения собственного прошлого в период IV–VII вв. стояла весьма остро. «Синдром начала», отмечающий кардинальную смену историко-культурной парадигмы, приводит церковных историков к соединению собственного античного прошлого с еще более древним иудейским, вавилонским, библейским прошлым; христианской и дохристианской истории; а в конечном итоге – построению единой истории человеческого Спасения.

Второй параграф «Историческое пространство и время в концепциях церковных историков» анализирует новую систему пространственно-временных отношений, выстраиваемую церковными историками IV–VII вв.

Новая парадигма исторического знания, складывающаяся в трудах церковных историков поздней античности, представляет новое отношение к хронологии, а соответственно ко времени и истории. Анализу этих трансформаций посвящен пункт 2.1. «Время и хронология», в котором христианская хронология рассматривается как основа формирования нового типа исторического сознания.

Главным нововведением Евсевия Кесарийского и его продолжателей является принцип универсализма. Все «Церковные истории» IV–VII вв. подчеркивают связь времен и единство всемирно-исторического процесса от Адама до современных авторов событий. Зримым выражением временного универсализма служит единая хронологическая ось повествования и старательное согласование церковными историками разных летосчислительных систем.

Начиная с Евсевия Кесарийского, церковные историки старательно соединяют профанное и сакральное, светское и божественное, что становится возможным благодаря введению в исторический контекст пришествия Христа. Именно это событие делает реальной ветхозаветную и новозаветную историю; а события земной, гражданской истории обретают через него свой смысл и логику. Очевидное,

³³ Пахсарьян Н.Т. К проблеме изучения литературных эпох: понятие рубежа, перехода и перелома // Литература в диалоге культур-2. Ростов-на-Дону, 2004. С. 12–17.

³⁴ Там же.

³⁵ Маас М. John Lydus and the Roman Past. Antiquarianism and politics in the Age of Justinian. L.-N.Y., 1992. P. 40–41.

на первый взгляд, разделение исторического повествования церковных историков на две параллельные линии – гражданскую (имперскую) и церковно-религиозную – по всей вероятности, для самих авторов было бы непонятным. Они пишут земную историю, и все религиозные разногласия, ереси, мученичества и епископства для них – события земного ряда, так же, как войны, восстания, природные катаклизмы и проч.

В пункте 2.2 «Специфика восприятия пространства церковными историками IV–VII вв.» анализируются изменения в восприятии пространства на рубеже античности и средневековья и роль «Церковных историй» в этих трансформациях. В целом, можно отметить, что церковные историки IV–VII вв. незаметно, не афишируя новаторства и революционности своих идей, осуществляют настоящий переворот в сознании. Основное внимание авторов и центр тяжести самого исторического повествования, как бы парадоксально это ни звучало, переносится церковными историками сугубо в сферу *человеческой* истории. Сам мир, мировое пространство воспринимается как *населенная* народами *ойкумена*. *Универсализм*, привносимый христианскими авторами в историческое описание, коренным образом изменяет пространственное восприятие историка. Дело не только в максимальном расширении географического кругозора историка (историки эпохи эллинизма также пишут всемирные истории), но в осознании внутреннего единства этого мира. Христианские историки пишут не историю войн и политического объединения разных народов, но историю всего человечества от Грехопадения до финального Спасения. В этой истории географические детали, точное местоположение тех или иных объектов не имеют большого значения, гораздо важнее демонстрация распространения христианского учения вплоть до самых отдаленных окраин, населенных самыми причудливыми народами.

Вслед за общими установками изменяются и принципы освоения этого единого мирового пространства, и способы организации исторического повествования. Для христианского историка мир, ойкумена делится не по частям света на Запад и Восток, Европу и Азию, но, скорее, по народам, ее населяющим. Отношение к различным народам, диктуемое христианской проповедью, неизбежно отличается от античного или ближневосточного, построенного на идее избранности и исключительности. Все христианские народы равны в своей избранности, причастности божественной истине и Спасению. Нехристианские народы, живущие по окраинам ойкумены, с точки зрения христианских авторов, ведут странный образ жизни и отличаются дикими нравами, но и они приобщаются божественной истине и цивилизации и также могут рассчитывать на Спасение. Обычно постулируемый универсализм проявляется в конкретных произведениях по-разному: в максимальном расширении географического кругозора, в осознании единства мира, в отношении к народам, в соотношении собственной локальной (национальной) истории с общей историей Спасения и т.д.

Новой структуре пространственного восприятия соответствует идея полицентризма. Структурообразующими элементами для церковных историков являются центры вселенской церкви, 5 апостольских престолов, 5 центров распространения Истины (Рим, Константинополь, Александрия, Антиохия, Иерусалим). Поскольку христианская церковь мыслилась как Вселенская церковь, то и Церковная история, соответственно, могла быть только универсальной, вселенской историей, т.е. историей всего христианского мира. У сирийских авторов несколько ярче выражен местный колорит, больший интерес проявляется к Антиохии и др. сирий-

ским городам, однако даже в этом случае всемирно-историческая перспектива, внутреннее единство ойкумены остаются основополагающими элементами сознания.

Внутри этой системы существенному переосмыслению подвергается исключительное положение традиционных мировых центров. Ожидание того, что «локальное распределение значимостей этого пространства» будет «подчинено принципу постепенного нарастания сакральной отмеченности объекта по мере движения от периферии к той точке пространства, которая считается его центром»³⁶ не оправдывается. Ни Рим, ни Иерусалим, ни даже Константинополь не претендуют теперь на какую-либо исключительность. Церковные историки поздней античности не выделяют какого-либо одного центра, обладающего наибольшей сакральной значимостью. Реалии VII в. и последующего времени во многом изменяют эту ситуацию, но пока, в рамках позднеантичной эпохи, универсализм и полицентризм остаются главными принципами, определяющими новую структуру пространственного восприятия.

В целом, новая пространственно-временная ориентация, заданная Евсевием Кесарийским и его продолжателями, помогает христианским историкам по-новому структурировать окружающую действительность и определить свое место в ней.

Наконец, в *третьем параграфе «Картина истории и образы прошлого»* реконструируется общая картина истории и рассматриваются отдельные, наиболее значимые «образы прошлого». Новая система пространственно-временных представлений закладывает основы и принципиально иного понимания истории. Уже исторической концепции Евсевия Кесарийского присущи те особенные черты, которые составят специфику раннесредневекового христианского историзма. Как уже отмечалось, основополагающим принципом новой, христианской концепции истории становится универсализм, временной и пространственный. Эта же идея, положенная в основу исторических сочинений позднеантичной эпохи и самого христианского сознания, неизбежно приводит к внедрению и других принципов, образующих в совокупности единую систему христианской истории.

При всех отличиях, все сочинения данного круга отмечены провиденциализмом, универсализмом в понимании истории, единой хронологической системой и многими другими идеями, в совокупности образующими ту концептуальную модель, которая определила все дальнейшее понимание мира и истории в рамках христианской культуры средневековья. Особенность церковно-исторических сочинений данной эпохи составляют также осознание морального смысла и порядка истории, специфическое отношение к ересь, формирование новых образцов и моделей поведения, а также формирование определенных «мест памяти» – закрепление в историографической традиции и памяти народа определенных представлений о первом христианском императоре, Христианской империи, Первом Вселенском соборе, еретиках и праведниках.

Именно в христианских историях впервые формируется представление о всемирно-историческом процессе. Речь здесь не только и не столько о всемирно-историческом охвате исторических сочинений, сколько в понимании глобального единства этого процесса.

Христианское мировоззрение диктует определенные объясняющие модели истории и одной из главных таких идей становится утверждение морального порядка истории. В то же время, именно вместе с этой идеей в понимание историче-

³⁶ Топоров В.Н. Пространство и текст... С. 256.

ского процесса прочно входит идея закономерности всего происходящего и некоего глобального смысла истории в целом. Христианский провиденциализм, пытающийся объяснить этот глобальный процесс, естественно, ищет причины реальных земных событий не в случайных обстоятельствах, не в характерах и эмоциональных движениях отдельных личностей и т.д. Вводя в историю Бога как некий универсальный объясняющий принцип, христианское сознание вплотную подходит к идее объективной истории.

Христианский универсализм, создание единого хронологического стержня для описания всемирной истории, выделение в этом ряду важных эпохальных событий, значимых не для одного какого-то региона, но для всего человечества в целом, вплотную подводит к появлению и утверждению в практике историописания системы периодизации как обязательного элемента исторического повествования. При этом ни одно из событий IV–V вв., вошедших в современные учебники истории, не только не рассматривается в качестве эпохальных и значимых, но порой и вовсе не фиксируется. Логика современного исследователя и логика церковного историка IV–VII вв. абсолютно не совпадают. Во всяком случае, важные, значимые, эпохальные события для христианских авторов лежат не в сфере политики. Главным в земной истории для христианского историка является распространение Божественной истины и соответственно важные события на пути к ее окончательному торжеству – воцарение императора Константина, утверждение христианства, Никейский собор и т.д.

Главный смысл истории и соответственно периодизации всемирно-исторического процесса лежит вне сферы политики. Не вдаваясь в рассуждения о возможных способах периодизации, о значении тех или иных событий или этапов всемирно-исторического процесса, церковные историки выстраивают свои сочинения в соответствии с главной идеей – идеей истории как утверждения божественной, христианской Истины. Их собственные «Церковные истории» построены по простейшему принципу – по императорским правлениям, но обязательно акцент ставится на Вселенские соборы, деятельность императоров, образцы праведности и благочестия. Несмотря на то, что большая часть рассуждений и готовых схем периодизации истории, остается за кадром и не обсуждается на страницах «Церковных историй», с выделением Рождества Христова и правления императора Константина в качестве эпохальных событий, сама идея периодизации входит в практику историописания.

В итоге, отмеченные идеи, взятые вместе, не только определили на многие века специфику средневековой историографии, но настолько прочно вошли в европейские стереотипы мышления, стали общим местом любого исторического сочинения, что без этих «непреходящих завоеваний исторической мысли»³⁷ трудно представить современную научную историческую работу.

Глава V «Церковные истории» как новая форма репрезентации исторического знания» посвящена анализу основных принципов, а также жанровых и типологических особенностей, выделяющих «Церковные истории» из общего ряда исторических произведений IV–VII вв.

Формирование новой концепции христианской истории неизбежно вызвало к жизни появление новых типов исторических сочинений и новых историографических форм, лучше всего соответствовавших новым задачам и раскрывавших смысл новой истории. По признанию многих исследователей, историографические осо-

³⁷ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории / Пер. и комм. Ю.А. Асеева. М., 1980. С. 50.

бенности данного круга исторических сочинений произвели «переворот» или даже «революцию»³⁸ в историографии, но именно эта сфера оказалась менее всего изученной современной наукой.

Параграф первый «Проблема жанровой принадлежности церковно-исторических сочинений рубежа античности и средневековья» посвящен анализу существующих систем классификации жанров ранневизантийской или позднеантичной литературы, определению места в них «Церковных историй» и поиску критерия для отнесения того или иного сочинения к конкретному жанру. В данном параграфе показано, что ни одна из принятых сегодня систем классификации не дает адекватной и исчерпывающей характеристики «Церковных историй» как особого жанра литературы. Проведенный анализ дает основания предполагать, что «Церковные истории» – это не столько специфический жанр позднеантичной литературы, сколько довольно широкое направление историографии в целом. По всей вероятности, это была попытка написания «новой» истории, такой, какой не писали ранее, истории с позиций христианского автора. Для христианских писателей это была просто история, настоящая, правильная с их точки зрения история. Они не чувствовали себя связанными или ограниченными какими-либо рамками. Соответственно и название своим трудам они давали довольно широкое, чаще всего называя его просто «Историей».

Среди этого довольно широкого потока исторических произведений создается огромный пласт церковно-исторических сочинений, которые пока еще довольно трудно дифференцировать и отнести к тому или иному жанру, поскольку и сами жанры византийской исторической прозы только еще формируются. Однако уже в это время намечаются линии развития хронографии, агиографии, ересиологии и собственно историографии. Причем именно в этот период, вероятно, создаются традиции и каноны написания исторического произведения (новой истории), сочетающего в себе и принципы классических историй и яркую христианскую направленность. Таким образом, светские и церковные истории, вероятно, представляют собой не разные (альтернативные) жанры, а конкурентов в борьбе за право называться настоящей историей - новой, правдивой, занимательной и полезной. Вместе с перестройкой сознания в эту эпоху, очевидно, решался вопрос о том, какой должна быть настоящая история; за первыми стояла вековая традиция, за вторыми - новая идея.

На наш взгляд, для определения границ жанра представляется важным и целесообразным выявить:

- сам предмет церковно-исторических сочинений, а также охват событий, о которых автор считает необходимым рассказать читателям;
- те цели и задачи, которые авторы ставят перед собой и своими сочинениями;
- принципы организации материала и построения самого произведения (тематический, хронологический, биографический или какой-либо другой);
- способ объяснения смысла исторического процесса и причинности, как их видит сам автор;
- и, наконец, определяющую роль христианства или влияние языческой традиции на содержание и конечную форму произведения.

³⁸ О термине см.: *Вайнштейн О.Л.* Западноевропейская средневековая историография. М.-Л., 1964. С. 38. *Momigliano A.* The Conflict between Paganism and Christianity in the Fourth Century. Oxford, 1963. P. 88, 92.

Соответственно, *параграф второй «Предмет и задачи “Церковных историй”»* посвящен вопросу о том, как сами авторы определяют содержание будущего труда, в какой области лежит преимущественный интерес автора, касается ли он только религиозных событий, соборов, ересей и т.д., или же включает также и войны, факты внутренней и внешней политики, придворные интриги и т.п.

В итоге ни одного бесспорного свидетельства четкого понимания критериев и границ жанра «Церковных историй» не обнаруживает ни одно сочинение. Даже в классических образцах такого типа сочинений найти их не удастся. Более того, «Церковные истории» обнаруживают гораздо больше заимствований и схожих черт с сочинениями других жанров, нежели своеобразия и специфических отличий. Ни название, ни собственные авторские ремарки, ни предмет работы и набор авторов, выбранных из всей предшествующей историографической традиции, не дают четких оснований для выделения особого жанра, отличного от других исторических сочинений той эпохи.

Параграф третий «Функции и назначение “Церковных историй” поздней античности» касается ключевого и дискуссионного вопроса о цели и смысле написания «Церковных историй» в эпоху поздней античности. С одной стороны, «Церковные истории» в силу определенной новизны своего предмета и историографических установок не соответствуют ни одной категории, разработанной античной историко-критической мыслью. С другой стороны, попытки современных ученых подойти к описанию и характеристике позднеантичных церковно-исторических сочинений с собственными критериями, выработанными уже позднейшей наукой, также не дают ожидаемого результата и не приближают нас к постижению сути данного феномена. Ни одна из существующих точек зрения на характер и смысл «Церковных историй» не объясняет всех их специфических особенностей. На сегодняшний день с уверенностью можно сказать только то, что это был некий новый тип исторических сочинений, хронологически и генетически связанный с самой эпохой поздней античности, и именно в рамках этого периода «Церковные истории» имеют свой смысл. Однако в чем суть данного феномена, какие функции «Церковные истории» выполняли в обществе, и с какой целью писались такие сочинения, до сих пор остается не вполне ясным.

На наш взгляд, «Церковные истории» представляют собой не столько остро полемические произведения малых непризнанных общин и не орудие пропаганды официальной ортодоксальной церкви; скорее, они представляют собой разные варианты объяснения исторического прошлого и настоящего с позиций истинной веры (при том, что каждая конфессиональная группа признавала свое учение единственно истинным и верным). Наиболее важной функцией, которую должны были осуществить «Церковные истории», по всей вероятности, была функция самоидентификации становящегося общества в условиях кризиса старой (римской) и формирования новой культурной идентичности, построение новой системы координат, позволяющей связать воедино и адекватно интерпретировать весь прошлый исторический опыт и современную им действительность.

В *параграфе четвертом «Малоизвестные “Церковные истории” V века: в поисках образца»* поднимается вопрос о направлениях развития позднеантичной историографии, стандартах и моделях историописания и формировании жанра «Церковных историй». Параграф посвящен анализу практически неисследованного вопроса о том, каким образом осуществлялся поиск и формирование этого образца. В этом отношении весьма важными и интересными оказываются работы двух ма-

лоизвестных в современной византистике авторов V в. – Филиппа Сидского и Геласия Кизикийского. Их работы, представляя собой не слишком удачные образцы «Церковных историй», тем не менее, четко показывают те рамки, в которых развивается данное направление исторической мысли и позднеантичной историографии, и рубежи, между которыми колеблются стандарты написания церковно-исторических сочинений той эпохи. Этот материал позволяет уточнить наши современные представления о «Церковных историях» и о том, как в IV–VII вв. осуществлялся поиск новых историографических форм, оптимальных для исторических сочинений и раскрытия новой (христианской) историко-философской концепции.

В пятом параграфе «Специфика структуры церковно-исторических сочинений» выявляются основные структурно-составляющие элементы «Церковных историй» поздней античности и принципы организации этих элементов в единую систему. Церковных историков IV–VII вв. достаточно часто упрекают в неоднородности и бессистемности их сочинений. С одной стороны, церковно-исторические сочинения этой переходной эпохи, действительно, содержат значительное количество светского материала, раскрывающего положение империи, военные кампании, интриги при дворе императора и положение дел в императорской семье – т.е. подробностей, не имеющих прямого отношения к истории христианской церкви. С другой стороны, «Церковные истории», по мнению многих исследователей, обнаруживают излишний интерес к мученикам и аскетам, дающим образцы святости и праведной жизни, чудесам и знамениям, всевозможным катаклизмам, эпидемиям и проч. Многие сочинения содержат довольно пространные рассуждения богословского характера о ложности или истинности того или иного учения, полемические выпады против еретиков, молитвы, воспевание подвижничества и благочестия. В отдельных сочинениях читается явный (например, в «Церковных историях» Иоанна Эфесского или Филосторгия) или имманентно присутствующий эсхатологизм. Таким образом, «Церковные истории» дают слишком много материала, соответствующего религиозному духу эпохи, но не относящегося собственно к «Историям» (в нашем понимании исторического сочинения).

Между тем, в IV–VII вв. именно такой тип исторических сочинений пользовался наибольшей популярностью и был наиболее востребован обществом. Все они в разной степени, с преобладанием того или другого в каждом конкретном случае, включают в себя оба компонента. Сочетание этих элементов является, пожалуй, неотъемлемой чертой, самого жанра «Церковной истории». В центре повествования находятся события христианской истории, интерпретация событий и логика происходящего подчинены провиденциальной идее; принцип построения материала в «Церковных историях» – проблемно-тематический. По форме это – серия рассказов или очерков, посвященных самым разным сюжетам, которые объединяет одна общая линия – история спасения христианского народа. Практически у всех церковных историков сюжеты гражданской истории соседствуют с описанием чудес и мученичеств. Нужно, однако, отметить, что «Церковные истории» поздней античности представляют собой не плохо организованные литературные сочинения, дающие бессистемный набор разрозненных фактов, но довольно стройную логичную систему, где каждый элемент становится важной частью целой картины. Указанные выше специфические черты являются такими же необходимыми элементами единой системы, новой парадигмы сознания, как и провиденциализм. Ос-

новную линию (утверждение христианства по всей ойкумене) с разной степенью выраженности дополняют и другие идеи.

Второй важный момент – это структура исторического сочинения, которая обычно считается странной и плохо организованной. С одной стороны, очевидно внимание христианских историков к соблюдению точной хронологической последовательности повествования. Авторы старательно выписывают линии императорских и епископских преемств. С другой стороны, «Церковные истории» зачастую представляют собой не столько историческую монографию с четко продуманным сюжетом, сколько сборник весьма разнородных рассказов, имеющих прямое или косвенное отношение к истории церкви и распространению в мире христианской веры. Та же «непоследовательность» проявляется и в географическом отношении. Автор, сосредоточив внимание на жизни родного сирийского городка, например, неожиданно может углубиться в описание происходящего далеко в Западной Европе.

Форма, в которую облакается новая историческая мысль, выбирается авторами не случайно. Те черты и противоречивые особенности, которые обычно рассматривают в качестве недостатков и издержек раннесредневековых исторических произведений, в действительности имели свой смысл. Все эти аспекты становятся необходимыми элементами церковно-исторического сочинения IV–VII вв. Более того, они образуют некую систему, где каждый элемент выполняет важную функцию. Так, строгая хронологическая последовательность повествования (без каких-либо тематических отступлений), подчеркнутая еще обязательными линиями императорских и епископских преемств, призвана показать единство исторического процесса, predetermined историю спасения людей и постепенное раскрытие божественного плана в земной истории человечества.

«Церковные истории» предполагают и широкий территориальный охват. Даже если автор сосредотачивается, в основном, на описании событий в Сирии, Армении или какой-то другой части ойкумены, он включает в свое повествование упоминание о том, что происходит в это время в других частях христианского мира. Реальная или предполагаемая всемирно-историческая перспектива повествования выражает мысль о единстве мира во Христе и универсальности христианской церкви.

Включение в текст рассказов о различных ересь и еретиках с отступлениями теологического характера, скорее всего, обусловлено не полемическими целями и не желанием авторов утвердить собственное мнение в качестве истинного, но призвано показать довольно долгий и сложный путь человечества к постижению Божественной истины и соответственно к Спасению. Сюжеты, связанные с гонениями и внутренними раздорами в церкви, вероятно, важны не столько в плане обличения противников, сколько для демонстрации того, как, преодолевая все трудности, церковь стремится к достижению внутреннего мира и единства.

Иначе говоря, сама идейная наполненность христианских «Историй» породила столь необычную, на первый взгляд, структуру церковно-исторического сочинения.

Для объяснения сути и направления исторического процесса недостаточно простого фиксирования отдельных фактов и списка епископов и императоров. Объясняющая функция «Церковных историй» (в отличие от «Хроник») требует включения в текст повествования развернутого рассказа о событиях с определенными авторскими комментариями. В итоге сформировалась довольно специфиче-

ская форма исторического сочинения, соединяющая в себе хронологическую канву хроник и авторские пояснения и комментарии к излагаемым историческим событиям; сочетающая богословские интерпретации, молитвы, обвинения еретиков, описание войн в разных частях империи, обнаружение божественной воли в событиях гражданской истории, прославление христианства, мучеников, подвижников и благочестивых императоров, положительные и отрицательные примеры для наставления и назидания. Все это имеет глобальную цель – воспитание человечества к Спасению и прямо согласуется с библейскими наставлениями. Так, в Первом послании коринфянам сказано: «Итак, что же, братия? Когда вы сходитесь, и у каждого из вас есть псалом, есть поучение, есть язык, есть откровение, есть истолкование, — все сие да будет к назиданию» (1 Кор. 14:26). Так и в «Церковных историях» есть все: и молитвы, и хвала, и поучение, и откровение, и истолкование. В соответствии с поставленными задачами церковные историки намеренно выбирают (или создают) оптимальную форму исторического произведения, наиболее удобную и лучше всего соответствующую новой исторической концепции.

В шестом параграфе *«Христианские установки и античные стандарты в церковном историописании рубежа античности и средневековья»* выявляются моменты, унаследованные от античной системы историописания и акцентируются новшества, внесенные в практику историописания церковными историками IV–VII вв. Уже сочинение Евсевия Кесарийского вносит в традицию историописания много нового, связанного с общей переоценкой традиционных ценностей христианами, утверждением христианской модели восприятия мира и истории. Вместе с появлением христианских «Историй» в историческое повествование вводятся определенная эмоциональность и личностное восприятие описываемых событий, рассказ от первого лица, сопереживание, молитва, христианское сострадание, мотив личной скромности и унижения, мотив стороннего побуждения, не исключающие, однако высокого уровня авторского самосознания, традиция составления компиляций и продолжений.

Традиционно стремление к компилированию, повторению, продолжению предшественников и рассматривается как отказ от авторской индивидуальности, как признак снижения общего культурного уровня, снижение уровня развития исторической мысли и т.д. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что авторы даже компилятивных трудов вполне самостоятельны, у них четко прослеживается собственная авторская логика, материал отобран и организован в соответствии с собственной авторской позицией. Таким образом, самостоятельность и уровень авторского самосознания авторов в рамках этой традиции несколько не меньше, чем у признанных историков того времени. Такая форма исторического сочинения говорит не о снижении уровня исторической мысли, но имела свой смысл и, по всей видимости, наилучшим образом отвечала потребностям времени, с одной стороны, и принятым на тот момент стандартам историописания. Важным моментом для церковных историков оказывается краткость и простота изложения, отсутствие всякой надуманности и вычурности, риторических приемов и украшений, предельная ясность языка.

Начиная с Евсевия, в сочинениях христианских историков появляются молитвы, психологизм и эмоциональность, хорошо читается личное отношение авторов к описываемым событиям. Вместе с тем, бросается в глаза практически полное отсутствие вымышленных речей; на смену подобным риторическим приемам приходят внимательное отношение к письменному слову и точность цитирования.

Многие черты, впервые появившиеся в «Церковных историях» IV–VII вв., вероятно, являются не просто стилистическими или жанровыми новациями, но признаками более глубоких изменений. Симптомами глобальной историко-культурной трансформации, вероятно, можно считать отмечаемый И.С. Чичуровым в IV–IX вв. поворот от высокого уровня авторского самосознания, характерного для античной культуры, к почти полной анонимности, демонстрируемой христианскими хрониками³⁹ («Церковные истории» поздней античности находятся посередине этого пути), а также переориентацию с оро-акустической культуры на письменную традицию⁴⁰ (выражающуюся в отсутствии вымышленных речей и обильном введении в текст исторического сочинения документов, посланий, текстов законов; документированности и точности цитирования и др.).

В заключении подводятся итоги работы и делаются основные выводы.

1. Феномен «Церковных историй» оказывается не таким простым и однозначным явлением, как это подчас рисуется в современной научной литературе. Многие утвердившиеся представления относительно подобных сочинений представляются не столь очевидными и бесспорными.

2. Широкий «перекрестный» анализ греческих, латинских, сирийских, армянских и др. церковно-исторических сочинений указанного периода заставляет говорить скорее о включенности этих народов в единое культурно-историческое пространство эпохи, нежели о региональной замкнутости.

3. Все рассматриваемые в работе сочинения представляют собой достаточно компактный историографический комплекс однотипных произведений, созданных приблизительно в одно время.

4. «Церковные истории» IV–VII вв. обладают яркой христианской окраской и, соответственно, целым комплексом теоретических положений и концептуальных особенностей, которые вместе формируют определенную философию истории и во многом отличают церковно-исторические сочинения от произведений других жанров.

5. Центральной фигурой, вокруг которой складывается и существует новая великая империя, неким центром притяжения является христианский император. Осознание этой центральной идеи позволяет понять, что идея Мелитона о зависимости судьбы империи от благочестия императора не вызывает дискуссий, она обязательно имманентно присутствует в «Церковных историях» позднеантичной эпохи.

6. Осознание значимости фигуры императора как таковой для церковных историков IV–VII вв. подталкивает к переосмыслению стереотипа, по сей день принятого в отечественной и зарубежной историографии, о несовместимости двух линий, присутствующих в каждой «Церковной истории» - линий светской, или гражданской истории, повествующей о военных походах, правлении того или иного императора, природных катаклизмах и бедствиях, социальных неурядицах и проч., и линии собственно церковной, или Священной истории. Наличие такой, казалось бы, несовместимой информации в одном произведении и несоответствие, на взгляд современного читателя, содержания «Церковных историй» своему названию на самом деле не является ни признаком «вырождения жанра», ни свидетельством необ-

³⁹ Чичуров И.С. К проблеме авторского самосознания византийских историков IV–IX веков // Античность и Византия. М., 1975. С. 203–217.

⁴⁰ Аверинцев С.С. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» // Типология и взаимосвязь литератур Древнего мира / Ред. П.А. Гринцер. М., 1971. С. 220–224.

разованности и неумелой работы автора с источниками. Для церковных историков IV–VII вв. была одна единая линия – настоящей, истинной Истории, в которой во-едино связаны и благосостояние империи, и победы императора, и образцы святости и благочестия, данные обществу монахами и мучениками. Смысл «Церковной истории» кратко может быть выражен словами Созомена: «Управляемая такими мужами вселенская Церковь приводила к единодушной добродетели и ревности как мирян, так и клир» (Soz. VII.29). Поэтому настоящая «История» не могла быть ни чем иным, кроме как «Церковной историей».

7. Для мировоззрения человека той эпохи было совершенно очевидно, что эта истинная империя является именно Римской империей, несмотря на жестокость и «варварство» прежних римских императоров и злодеяния прежних эпох. Распространенная в то время идея 4-х земных царств (монархий) подводила к осознанию того, что именно Римская империя является последней мировой империей, в рамках которой и должен осуществиться предсказанный в Библии акт Спасения – ключевой, последний, кульминационный акт в истории человечества. Вероятно, поэтому, византийцы так держались за название «Рим» для своей страны, хотя, с другой стороны, сознательно дистанцировались от истории «первого» Рима.

8. Вопрос о времени свершения этого акта также имманентно присутствует во всех церковно-исторических сочинениях. Это – та цель, к которой неуклонно движется вся человеческая история. В зависимости от ощущений конкретного автора, этот конец истории ожидается либо совсем скоро, либо в некой обозримой перспективе, соответственно, это чувство ожидания придает яркую эсхатологическую окраску всему произведению или же практически не ощущается современным читателем, но вопрос этот в явной или скрытой форме обязательно ставился церковными историками той переломной эпохи.

9. В связи с этим общим восприятием мира и истории становится понятным подход церковных историков к изображению собственно истории Церкви. Вопреки ожиданиям, они ничего не говорят о становлении церковной иерархии или церковных институтов. Вместо этого они в красках описывают благочестивые подвиги монахов и отшельников, распространение христианства вплоть до Индии, Эфиопии, Грузии и проч., и старательно выстраивают линии епископских преемств, особенно в Риме, Иерусалиме, Антиохии, Константинополе, Александрии и др. крупных городах империи. Для церковных историков Церковь важна не как институт, а как сообщество христиан, как носитель истинной веры, а значит и залог Спасения. В этой ситуации, исходя из евангельских истин и богословских принципов, говорить о конкретной дате основания христианской церкви не приходится, ибо церковь вечна, как вечен сам Бог. С этих позиций универсализм временной и пространственный являются базовыми представлениями, формирующими всю картину мира церковных историков IV–VII вв.

10. В целом, идея провиденциализма, христианский универсализм, единая хронологическая система для описания всемирно-исторического процесса, вырабатываемые в рамках христианской модели историописания, становятся не только «визитной карточкой» церковно-исторических сочинений поздней античности, но и вплотную подводят к современным представлениям о стандартах исторической работы.

11. Историографическая форма, в которую облачается новая историческая мысль, выбрана авторами не случайно. Те черты, которые обычно рассматривают в качестве недостатков и издержек позднеантичных исторических произведений, в

действительности имели свой смысл. С точки зрения историографических новшеств «Церковные истории» IV–VII вв. демонстрируют развитие формы от исследовательских сочинений и дотошной работы с источниками, документами и архивами до компиляций и хрестоматий, а с другой стороны, от сложных многофункциональных произведений к хроникам и кратким историческим монографиям.

12. Именно «Церковные истории» совершают настоящую «революцию в историографии». С их появлением изменяются характер и задачи исторических сочинений, меняется сам предмет исследования. Уже Евсевия Кесарийского занимает не история войн или политических перипетий, но духовная история. Более того, он отходит от античной традиции, согласно которой настоящий историк должен писать современную ему историю, свидетелем и, возможно, участником, которой он сам являлся. Евсевий делает очень смелый шаг, приступая к описанию истории от Сотворения мира. Обосновывая достоверность приводимой историками информации, церковные историки поздней античности, с одной стороны, следуют античным требованиям и стандартам (принцип аутопсии), считая наиболее достоверными показания очевидцев и участников событий, а с другой стороны, приступая к описанию всемирной истории от Адама и Потопа, вынуждены опираться на имеющиеся письменные свидетельства. Важным моментом для церковных историков оказывается краткость и простота изложения, отсутствие всякой надуманности и вычурности, риторических приемов и украшений, предельная ясность языка.

13. Смысл поистине революционного переворота состоит не столько во введении новой тематики и методов исследования, не в заботе о доступности и ясности языка, даже не в документированности церковно-исторических сочинений и введении в систему историописания практики цитирования, сколько в новом отношении к письменному слову и традиции. Церковно-исторические сочинения поздней античности, вероятно, демонстрируют переориентацию с оро-акустической культуры, на письменную традицию.

В целом, «Церковные истории» IV–VII вв. ярко демонстрируют кардинальный историко-культурный сдвиг на рубеже античности и средних веков, поскольку являют собой не просто изменение жанрово-стилевых принципов в литературе, но трансформацию всей картины мира, всей системы мировосприятия, объясняющих моделей и принципов мышления.

Работа снабжена также **приложениями** в виде таблиц (Приложение 1. Классические «Церковные истории»; Приложение 2. Церковно-исторические сочинения поздней античности).

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Монографии:

1. *Ващева, И.Ю.* Евсевий Кесарийский и становление раннесредневекового историзма / И.Ю. Ващева. СПб.: Алетейя, 2006. 272 с. (16,6 п.л.).

Публикации в изданиях по списку ВАК РФ:

2. *Ващева, И.Ю.* Евсевий Кесарийский и проблема христианской хронологии / И.Ю. Ващева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История. Вып. 1. Н. Новгород, 2002. С. 5–12 (1 п.л.).

3. *Ващева, И.Ю.* Падение Западной Римской империи в восприятии современников / И.Ю. Ващева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История. Вып. 3. Н. Новгород, 2005. С. 5–22 (1 п.л.).

4. *Ващева, И.Ю.* Кесария Палестинская в III – первой половине VII вв. / И.Ю. Ващева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История. Вып. 1(4). Н. Новгород, 2005. С. 13–25 (1 п.л.).

5. *Ващева, И.Ю.* Культурные центры раннесредневековой ойкумены. К вопросу об автономизации латинской и греческой культур (III –VII вв.) / И.Ю. Ващева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История. Вып. 2 (6). Н. Новгород, 2006. С. 41–54 (1 п.л.).

6. *Ващева, И.Ю.* «Церковная история» Бархадбешаббы / И.Ю. Ващева // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. Экономика, Информатика. № 17 (57). Вып. 8. С. 33–37 (0,6 п.л.).

7. *Ващева, И.Ю.* Иоанн Эфесский: Личность писателя в контексте новой интеллектуальной истории / И.Ю. Ващева // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 26. М., 2009. С. 298–310 (1 п.л.).

8. *Ващева, И.Ю.* Церковный историк IV века Геласий Кесарийский / И.Ю. Ващева // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. № 15 (70). Вып. 12. С. 38-43 (0,6 п.л.).

9. *Ващева, И.Ю.* Образы императоров в «Истории» Филосторгия / И.Ю. Ващева // Проблемы истории, филологии и культуры. № 3. 2009. М.–Магнитогорск, 2009. С. 24–46 (1 п.л.).

10. *Ващева, И.Ю.* Концепция Поздней античности в современной исторической науке / И.Ю. Ващева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История. № 6 (1). Н. Новгород, 2009. С. 220–231 (1,2 п.л.).

11. *Ващева, И.Ю.* Малоизвестные «Церковные истории» V века: в поисках образца / И.Ю. Ващева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История. № 5 (1). Н. Новгород, 2010. С. 220-227 (1 п.л.).

12. *Ващева, И.Ю.* Ранневизантийские императоры в «Истории» Филосторгия / И.Ю. Ващева // Научные ведомости Белгородского государственного университета. №13 (84). 2010. Вып. 15. С. 19-27 (1 п.л.).

13. *Ващева, И.Ю.* Парадоксы исторической концепции Мовсеса Хоренаци / И.Ю. Ващева // Диалог со временем. Вып. 40. М., 2012. С. 219-230 (0,6 п.л.).

14. *Ващева, И.Ю.* «Церковные истории» IV – VII веков: динамика развития жанра / И.Ю. Ващева // Проблемы истории, филологии и культуры. № 2. 2012. М.-Магнитогорск, 2012. С. 129-154 (1,4 п.л.).

15. *Ващева, И.Ю. и др.* Знаковые персонажи в «Истории Армении» Агатангехоса (Григорий и Трдат) / И.Ю. Ващева и др. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История. № 3(1). Н. Новгород, 2012. С. 209-213 (0,7 п.л., авт. вклад 0,4 п.л.).

16. *Ващева, И.Ю.* Кризис римской идентичности в IV–VII вв. / И.Ю. Ващева // Вопросы истории. № 10. 2012. С. 110-117 (1 п.л.).

17. *Ващева, И.Ю.* «Церковные истории» IV–VII вв. в контексте изучения межкультурных коммуникаций / И.Ю. Ващева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 6(3). Н. Новгород, 2012. С. 228-235 (0,5 п.л.).

Публикации в других изданиях:

18. *Vaščeva I.* The Notions of Time in Eusebius' Church History // *Byzantinoslavica*. Praha, 2000. T. LX (1999). Fasc. 2. P. 304–308 (0,4 п.л.).

19. *Vachtcheva I.* Eusebius of Caesarea and a forming of the Early Medieval Historiography // XX Congress International des Etudes Byzantines. Pre-actes. V. III. Communication livres. Paris, 2001. P. 59 (0,2 п.л.).

20. *Vashcheva I. Yu.* Sense and purport of the late antique «Church Histories». Formation of new Identity // Proceedings of the 22nd international Congress of Byzantine Studies. Sofia, 2011. Vol. III. Abstracts of free communications. P. 127–128 (0,2 п.л.).

21. Ващева, И.Ю. «Церковные истории» в контексте новой концепции византийской литературы / И.Ю. Ващева // Wykształcenie i nauka bez granic – 2011. Materiały VII międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji. Vol. 23. Przemysł: Nauka i studia, 2011. P. 58–66 (0,6 п.л.).
22. Ващева, И.Ю. Церковные историки IV–VII вв. в поисках нового прошлого / И.Ю. Ващева // Přední vědecké novinky-2012. Materiály VIII mezinárodní vědecko-praktická conference. Díl 4. Právní vědy. Histoire. Praha: Publishing House 'Education and Science', 2012. S. 46–51 (0,5 п.л.).
23. Ващева, И.Ю. Евсевий Кесарийский и формирование христианской концепции истории / И.Ю. Ващева // Проблемы истории и творческое наследие проф. Н.П. Соколова. Н. Новгород, 1998. С. 17–25 (0,4 п.л.).
24. Ващева, И.Ю. Представления о времени по данным текстологического анализа «Церковной истории» Евсевия Кесарийского / И.Ю. Ващева // Из истории античного общества. Вып. 6. Н. Новгород, 1999. С. 30–38 (0,4 п.л.).
25. Ващева, И.Ю. Драма истории: действующие лица (к вопросу об исторических воззрениях Евсевия Кесарийского) / И.Ю. Ващева // Античный мир. Белгород, 1999. С. 58–68 (0,6 п.л.).
26. Ващева, И.Ю. Εκκλησία: проблема термина и его понимания в ранневизантийской историографии / И.Ю. Ващева // VII чтения памяти проф. Н.П. Соколова. Н. Новгород, 2000. С. 27–30 (0,2 п.л.).
27. Ващева, И.Ю. Лики Судьбы в «Истории» Евсевия / И.Ю. Ващева // Проблемы антиковедения и медиевистики (к 25-летию кафедры истории древнего мира и средних веков в Нижегородском университете). Н. Новгород, 1999. С. 19–22 (0,4 п.л.).
28. Ващева, И.Ю. Географическое пространство в мировоззрении Евсевия Кесарийского / И.Ю. Ващева // Из истории античного общества. Вып.7. Н. Новгород, 2001. С. 18–34 (0,6 п.л.).
29. Ващева, И.Ю. Vir bonus и εὐσεβεία: античные и христианские ценности в мировоззрении первого церковного историка / И.Ю. Ващева // XII чтения памяти проф. С.И. Архангельского. Ч.1. Н. Новгород, 2001. С. 17–28 (0,5 п.л.).
30. Ващева, И.Ю. Историческая критика в труде первого христианского историка / И.Ю. Ващева // Проблемы источниковедения всеобщей истории. Ч. 1. Белгород, 2002. С. 50–68 (0,5 п.л.).
31. Ващева, И.Ю. Место политических сюжетов в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского / И.Ю. Ващева // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое время. Арзамас, 2002. С. 169–176 (0,7 п.л.).
32. Ващева, И.Ю. Этнокультурные и конфессиональные группы в мировоззрении первого христианского историка / И.Ю. Ващева // Акра. Сб. научных трудов / Под ред. А.В. Махлаюка. Н. Новгород, 2002. С. 34–44 (0,7 п.л.).
33. Ващева, И.Ю. Актуальные проблемы современной византистики (по материалам XX международного конгресса византистов) / И.Ю. Ващева // VIII чтения памяти проф. Н.П. Соколова. Н. Новгород, 2002. С. 56–58 (0,3 п.л.).
34. Ващева, И.Ю. Евсевий Кесарийский в западной и восточной традиции / И.Ю. Ващева // Запад и Восток: традиции, взаимодействие, новации. Владимир, 2003. С. 9–11 (0,3 п.л.).
35. Ващева, И.Ю. Механизмы формирования исторического сознания на рубеже III – IV веков (по данным «Церковной истории» Евсевия Кесарийского) / И.Ю. Ващева // Медиевистика и социальная работа / Под ред. Е.А. Молева. Н. Новгород, 2004. С. 21–49 (1,2 п.л.).
36. Ващева, И.Ю. Античные авторы в сочинениях первого христианского историка / И.Ю. Ващева // Историк и его дело. Ижевск, 2004. С. 103–115 (1 п.л.).

37. Ващева, И.Ю. Образование в Кесарии Палестинской в III – первой половине VII вв. / И.Ю. Ващева // Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С.И. Архангельского. Н. Новгород, 2005. С. 72–80 (0,6 п.л.).
38. Ващева, И.Ю. Античные категории в мировосприятии первого церковного историка / И.Ю. Ващева // Древнее Средиземноморье: религия, общество, культура. М.: ИВИ-РАН, 2005. С. 230–254 (2 п.л.).
39. Ващева, И.Ю. Исторические сочинения Кассиодора и традиция их изучения / И.Ю. Ващева // Из истории античного общества. Вып. 9–10. Н. Новгород, 2007. С. 343–354 (1 п.л.).
40. Ващева, И.Ю. Еретики и пастыри в «Церковной истории» Филосторгия / И.Ю. Ващева // Из истории античного общества. Вып. 11. Н. Новгород, 2008. С. 186–213 (1 п.л.).
41. Ващева, И.Ю. Сирийская церковная историография IV–VII вв. / И.Ю. Ващева // *Textum historiae*. Исследования по теоретическим и эмпирическим проблемам всеобщей истории. Вып. 3. Н. Новгород, 2008. С. 130–149 (1 п.л.).
42. Ващева, И.Ю. Проблема хронологии и «Церковные истории» IV–VII веков / И.Ю. Ващева // Формы и способы репрезентации времени в истории / Отв. ред. С.Г. Мереминский. М.: ИВИ РАН, 2009. С. 170–205 (1,5 п.л.).
43. Ващева, И.Ю. Античное прошлое в «Церковных историях» IV–VII вв. К проблеме исторической памяти / И.Ю. Ващева // Альманах по истории средних веков и раннего нового времени. Вып. 1. Н. Новгород, 2009. С. 6–22 (1 п.л.).
44. Ващева, И.Ю. Армянская историческая традиция V–VII веков в современной арменологии / И.Ю. Ващева // Из истории античного общества. Вып. 13. Н. Новгород, 2010. С. 189–201 (0,7 п.л.).
45. Ващева, И.Ю. «Церковные истории» поздней Античности: социальные функции, смысл и назначение / И.Ю. Ващева // Альманах по истории Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 2 / Под ред. А.Н. Маслова и А.А. Кузнецова. Н. Новгород, 2011. С. 5–18 (1 п.л.).
46. Ващева, И.Ю. «Церковные истории» в исторической мысли поздней античности: альтернативный жанр или «настоящая» история? / И.Ю. Ващева // *ANTIQUITAS AETERNA*. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 3: Проблемы источниковедения античной истории: Взгляды на историю и историческая информация в трудах античных авторов / Под ред. А.В. Махлаюка и Е.А. Молева. Н. Новгород, 2011. С. 174–201 (1,2 п.л.).
47. Ващева, И.Ю. Несторий в «Церковных историях» IV–VII веков / И.Ю. Ващева // Историческая память: люди и эпохи. М., 2010. С. 42–46 (0,3 п.л.).
48. Ващева, И.Ю. Патроны и вдохновители церковных историков / И.Ю. Ващева // Кондаковские чтения III. Человек и эпоха: античность – Византия – Древняя Русь. Белгород, 2010. С. 202–209 (0,5 п.л.).
49. Ващева, И.Ю. Патриарх Григорий: портрет святителя в изображении сирийских историков / И.Ю. Ващева // Историки между очевидным и воображаемым: проблемы визуализации в исторической мысли. Материалы XVII чтений памяти члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского. Н. Новгород, 2011. С. 139–144 (0,4 п.л.).
50. Ващева, И.Ю. Традиции изучения латинских церковно-исторических сочинений IV–VII вв. в отечественной и зарубежной историографии / И.Ю. Ващева // Альманах Славяно-греко-латинского кабинета. Вып. 3–4. Н. Новгород, 2012. С. 99–104 (0,2 п.л.).
51. Ващева, И.Ю. «Церковные истории» на пороге средневековья: специфическая форма репрезентации исторического знания / И.Ю. Ващева // Переходные периоды во всемирной истории. Трансформации исторического знания / Отв. ред. М.С. Бобкова. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 153–173 (1 п.л.).
52. Ващева, И.Ю. Репрезентация образа императора Константина в коптской церковной историографии VII века / И.Ю. Ващева // Образы власти в гуманитарных исследованиях: XVIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского / Под ред. А.В. Хазиной, Ф.В. Николаи. Н. Новгород, 2013. С. 119–122 (0,3 п.л.).

Подписано в печать ... 07.2013 г. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 2,5. Заказ № 701. Тираж 100 экз.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в лаборатории множительной техники
Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского.
Лиц. П Д № 18-0099 от 4.05.01.
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37.